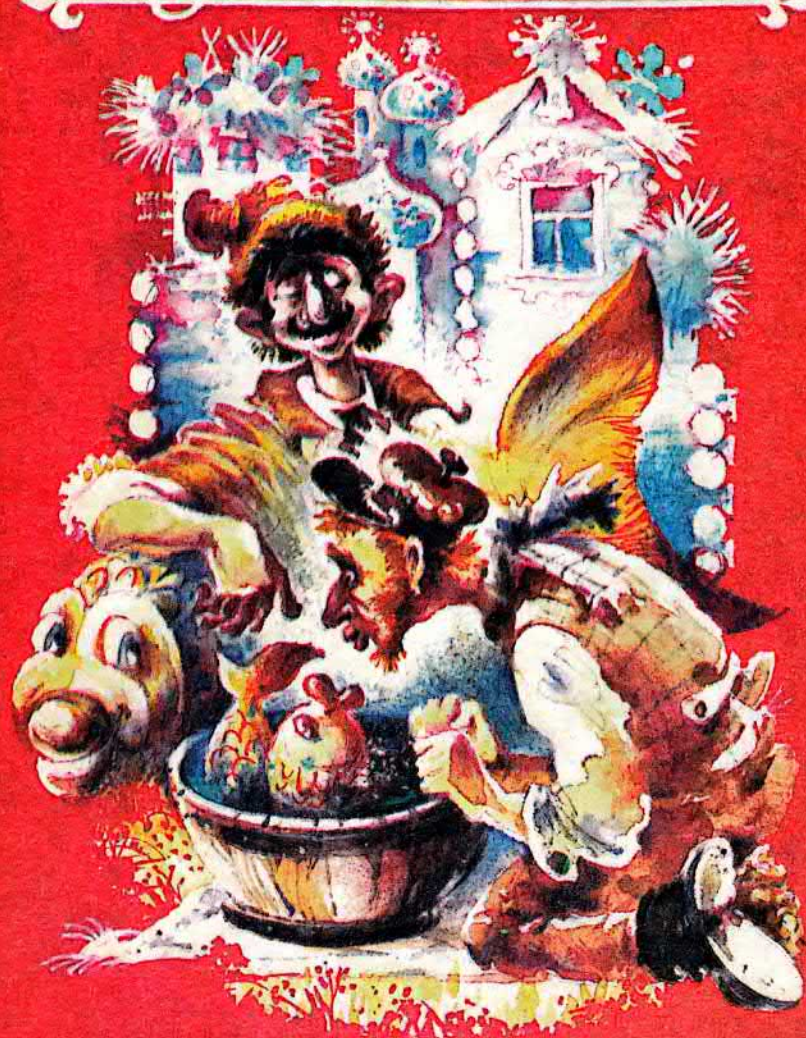

В. Беспалов
Не может
быть!

КУЙБЫШЕВСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1989

В. Беспалов Не может быть!

Сказки

Беспалов В. И.

Б 53 Не может быть!: Сказки для детей младшего школьного возраста.— Куйбышев: Кн. изд-во, 1989.— 128 с.

ISBN 5—7575—0077—8

Сказки Валентина Беспалова — серьезные и озорные, волшебные и бытовые — учат детей отличать добро от зла, любить родную природу, развивают фантазию.

Настоящую книгу составили новые произведения автора.

Б $\frac{4803010201-004}{M148(03)-89}$ 52—89

84Р7

© Куйбышевское книжное издательство, 1989.

Жил-был один старик. У него рос сын Агафонюшка. Сам-то ещё поперёк лавочки укладывается, а наставляет отца:

— Отдавай меня, отец, в ученье, а то вот-вот вдоль лавки начну укладываться, а тогда какие же науки?

Старик думал-думал, как ему быть, да и надумал Агафонюшку в город отвезти, к самому наилучшему мастеру. Как надумал, так и сделал.

Мастер долго смотрел на Агафонюшку, а уж после обронил твёрдое слово:

— Выучу Агафона, если сам учиться захочет. Об оплате уж я с ним договорюсь.

С тем старик и уехал домой.

А у мастера дочка была малая. От пола не видать, а смышлёная, остроумная. Лежит она на печке вместе с Агафонюшкой под тулупчиком, шепчет:

— Знаю, знатным ты мастером станешь! Ох, не случайно тебя отец оставил! Да помни, не любит он, когда другой его в мастерстве обходит!

Вот живёт Агафонюшка год, другой, третий. Уж и часы деревянные сделал, уж и повозочку-самоходочку сколотил, вот уж и за летучий кораблик взялся, а мастер всё своё долбит:

— Не хвастай, это цветочки, а я на ягодки желаю взглянуть!

Пытал, значит, на что Агафонюшка горазд. А ну, польстится на похвалу да и сделает вещь такую, что и самому мастеру не по

шлечу! Тогда несдобровать! Тогда мастер в одночасье сгубит поперечного! Разве он отпустит домой такого, кто его, мастера, славу застит? Кто тогда пойдёт к нему? И кружки воды ни у кого не допросишься!

Агафонюшка десять лет учился с оглядкой, никак своего мастерства не выказывал. Крепко-накрепко он запомнил слова дочки мастера, Марьюшки, потатчицы своей. Зато и подарок ей сделал, всему свету на удивление — чудесный ящичек. Стал ящичек верным помощником Марьюшке. А хозяйство у неё большое было! Мастер от жадности много учеников набирал. Надо было такую ораву одевать, кормить, спать укладывать. И ни дня, ни ночи Марьюшке не хватало. А вместе с чудесным ящичком получила она и отдых и подмогу.

Заприметил мастер: откуда-то у дочки время появилось с Агафонюшкой в ладушки играть. Вот и подумал: «А непременно обошёл меня этот Агафонюшка! Придумал такое, что мне и не в догадку!»

И говорит однажды утром Агафонюшке:

— Железо у меня кончилось. Пособил бы! Поедем к яме. Я тебя спущу, а ты мне руды наберёшь. Другого кого бы взял, да кто так к руде приучен, как ты? Да и глаза у тебя поострее многих!

Ничего и не почувствовал Агафонюшка по простоте душевной, стал собираться. «Действительно, — думает, — железо у нас кончилось! Самому бы мне догадаться!» И не ведал он, что мастер и в хитростях был умельцем. Под горном тайком спрятал железо.

А вот Марьюшка преотлично знала своего батюшку. Да и не секрет для неё был, куда

железо подевалось. Потому и не отходила от Агафонюшки, когда он стал в дорогу собираться.

Приехали Агафонюшка и мастер к глубокой яме. Привязал мастер Агафонюшку к длинной верёвке, попросил:

— Ты уж там, Агафон, получше руду выбирай, а как наберёшь мешок, привяжи к верёвке, я мигом вытяну!

Так и опустил Агафонюшку. Изучил Агафонюшка все повадки руды, потому хорошую долго и не искал. Набил мешок, привязал к верёвке, крикнул, чтоб мастер вытаскивал мешок.

Вытянул мастер мешок, ждёт Агафонюшка, а ни мешка, ни верёвки, ни голоса. Кричал-кричал Агафонюшка, не докричался, понял: оставил мастер его в яме погибать.

Сидит Агафонюшка в яме день, другой, третий. Тут и вспомнил, как Марьюшка его в дорогу собирала. Подумал: «А не положила ли она мне чего-нибудь поесть?»

Снял с пояса дорожный мешочек, развязал, достал свёрточек, развернул, только и сказал: «Любит!» В тряпице оказался чудесный ящичек. Нажал Агафонюшка заветную кнопку, выскочил сразу же мальчик с пальчик, пропищал:

— Что прикажешь, Агафонюшка, мастер мой дорогой?

— Давай так, — сказал Агафонюшка. — Хочу я к отцу. Ты поставь там теремок, а потом и Марьюшку пригласишь!

Не успел Агафонюшка договорить, как оказался на родном подворье, а из резного теремка отец с Марьюшкой выходят, приглашают к застолью.

Прознал мастер, какое у Агафонюшки великое мастерство, мудро сказал:

— Где молодых старикам остановить! Не догонишь! Видать, старикам и честь надо знать!

Сел в повозочку-самокаточку да и к Агафонюшке с повинной.

— Ладно уж, с моим стариком живи, — отошёл Агафонюшка, — а мы с Марьюшкой поедем дальше учить учеников. Пока и наше время не придёт.

И пригласил мастера поест с дороги. А Марьюшка уж и самовар на стол несёт.

ПЕТУШОК И БОБОК

Ходили-бродили Петушок и Курица по двору, сор перебирали, еды искали. Нашёл Петушок бобок и нет бы поделиться с Курицей, сам целиком склюнул его. Склюнуть-то склюнул, а сглотнуть никак не может!

Подавился, свалился ни живой ни мёртвый, глазами хлопает.

Растерялась Курица, крыльями бьёт, голосит:

— Ах, батюшки, ах, матушки, что делать, как быть, как мне горюшко избыть!

Воробей посоветовал:

— Заставь Петушка попрыгать-поскакать, бобок сам выскочит.

Собака посоветовала:

— На цепь посади, ошейник враз выдавит бобок.

Кошка сказала:

— Не слушай никого! Достань лучше у Ко-

ровы маслица. С маслицем, глядишь, бобок и проскочит!

Петушка не поднять, чтоб попрыгал, нет в курятнике цепи. Побежала Курица к Корове:

— Корова, Корова! Дай маслица, Петушку отнесу. Петушок бобком подавился, не слышит, не дышит, ровно мёртвый лежит!

Корова говорит:

— Поди, Курица, к Косцу, попроси у него травы. Поем, дам тебе маслица. Да не ради Петуха, ради тебя.

Побежала Курица к Косцу:

— Косец, Косец! Дай травы, Корове отнесу. Корова поест травы, даст мне маслица, а я его Петушку отнесу. Петушок бобком подавился, не слышит, не дышит, ровно мёртвый лежит!

Косец говорит:

— Поди, Курица, к Кузнецу, попроси у него косу. Накошу, дам тебе травы. Да не ради Петуха, ради тебя.

Побежала Курица к Кузнецу:

— Кузнец, Кузнец! Скуй мне косу, Косцу отнесу. Косец накосит, даст мне травы, а я её Корове отнесу. Корова поест травы, даст мне маслица, а я его Петушку отнесу. Петушок бобком подавился, не слышит, не дышит, ровно мёртвый лежит!

Кузнец говорит:

— Поди, Курица, к Углежогу, попроси у него углей. Откую, дам тебе косу. Да не ради Петуха, ради тебя.

Побежала Курица к Углежогу:

— Углежог, Углежог! Дай мне углей, а я их Кузнецу отнесу. Кузнец откуёт, даст мне косу, а я её Косцу отнесу. Косец накосит,

даст мне травы, а я её Корова отнесу. Корова поест травы, даст мне маслица, а я его Петушку отнесу. Петушок бобком подавился, не слышит, не дышит, ровно мёртвый лежит!

Углежоги говорит:

— Поди, Курица, к Дровосеку, попроси у него дров. Отожгу, дам тебе углей. Да не ради Петуха, ради тебя.

Побежала Курица к Дровосеку:

— Дровосек, Дровосек! Дай мне дров, а я их Углежогу отнесу. Углежоги отождёт, даст мне углей, а я их Кузнецу отнесу. Кузнец откуёт, даст мне косу, а я её Косцу отнесу. Косец накосит, даст мне травы, а я её Корова отнесу. Корова поест травы, даст мне маслица, а я его Петушку отнесу. Петушок бобком подавился, не слышит, не дышит, ровно мёртвый лежит!

Дровосек говорит:

— Поди, Курица, к Хлебопечее, попроси у неё калачика. Поем, нарублю дров. Да не ради Петуха, ради тебя.

Побежала Курица к Хлебопечее:

— Хлебопечее, Хлебопечее! Дай мне калач, а я его Дровосеку отнесу. Дровосек поест, нарубит, даст мне дров, а я их Углежогу отнесу. Углежоги отождёт, даст мне углей, а я их Кузнецу отнесу. Кузнец откуёт, даст мне косу, а я её Косцу отнесу. Косец накосит, даст мне травы, а я её Корова отнесу. Корова поест травы, даст мне маслица, а я его Петушку отнесу. Петушок бобком подавился, не слышит, не дышит, ровно мёртвый лежит!

Хлебопечее говорит:

— И дала бы калачика, да беда у меня. Нет пёрышков, калач обрызнуть!

— Дери у меня! — захлопотала Курица.

Надрала Хлебопечее перьев, сделала метёлку, обрызгала калач, отдала Курице, сказала:

— Даю, да не ради Петуха, ради тебя!

Отнесла Курица калач Дровосеку.

Дал Дровосек Курице дров.

Отнесла Курица дрова Углежогу.

Дал Углежоги Курице углей.

Отнесла Курица угли Кузнецу.

Дал Кузнец Курице косу.

Отнесла Курица косу Косцу.

Дал Косец Курице травы.

Отнесла Курица траву Корова.

Дала Корова Курице маслица.

Отнесла Курица маслице Петушку да и свалилась. Ветром голый бок продуло.

Петушок вместе с маслицем сглотнул бобок, вскочил, заорал во всё горло:

— Дай срок, найду себе другой бобок!

— Смотри, — сказала Кошка, — а будет ли кому за маслицем-то бегать?

РЕПЕЙНИК-ЗАТЕЙНИК

Догадилось семечко Репейника — посредине лесной дороги корни пустило. Чтобы себя показать, чтобы всех удивить!

И вымахал Репейник такой, не обойдёшь! У любого, кто мимо пробирался, так и норовил клок шерсти выдрать, словами протыкал:

— Цепляются! Постоять спокойно нельзя!

Зайчишки, бурундучишки, барсучишки стали дорогу обегать, славили:

— Ну, Репейник! Ну, Затеяник!

А Репейник заматерел, раздался, покрякивал:

— Где хочу, там и колючками ворочу!

Однажды лошадь выкатила на дорогу телегу. Одно Колесо зацепилось за Репейник, удивилось:

— Ты чего тут?

— Куда лезешь? — заворочался Репейник. — Не пущу!

— Да ты что? — возмутилось Колесо. — Дорога не для тебя, для меня!

Репейник ухватился за Колесо, зашипел:

— Не пущу!

Колесо дёрнуло Репейник, выдернуло с корнем, на повороте отбросило на обочину.

Колесо давно укатило, а Репейник тянулся к дороге, хрипел:

— Сказал, не пущу!

Мимо скакал Зайчишка. И прямо по дороге. Услышал угрозы Репейника, усы раздул:

— Умница! На обочине всё можно!

БАТРАК И СВОБОДА

Было так. Не так уж и давно жил да был богатый мужик Кулак, а богатство ему сколачивал бедный мужик Батрак.

Взнуздал Кулак Батрака и сеял на нём, и пахал на нём, и убирал на нём. Ни охнуть Батраку, ни вздохнуть. А на завтрак Кулак батраку — корку хлеба, на обед — плесневелый сухарь, а на ужин — здоровенную затрещину, чтоб помнил, кто на подворье хозяин, да не спорил бы, а работал да руку своему кормильцу целовал.

Однажды таскал Батрак к погребу кар-

тошку, смотрит, а дверь так ходуном и ходит! «Какую это живую душу запер хозяин в погребе? — удивился Батрак. — Меня никогда в погреб не пускает, а для кого-то ничего не пожалел!» А из-за двери уж и крики слышались. Не выдержал Батрак, рванул дверь да вместе с замком её и выдрал. Смотрит, а на пороге в рваном платишке чумакая девушка плачет.

— Кто ты, почему в погребе? — удивился Батрак.

— Суженая я твоя, Свободой меня зовут, — всхлипнула девушка, — а в погреб Кулак обманом столкнул.

— Что ж мне-то делать? — затосковал Батрак. — Хозяин не спустит мне, что против воли его пошёл!

— А ты возьми оглоблю да его оглоблей и проводи со двора! — подсказала девушка. — Защити меня!

— Да как же я хозяина-то? — не выдержал Батрак.

— Да какой же Кулак хозяин? — шагнула девушка к Батраку. — Кто дом построил, кто поле засекает, кто скотину бережёт, огород убирает?

— Ну, я, — опустил голову Батрак.

— А раз ты всё сделал, значит, всё тут твоё! Хватит тебе на Кулака работать, теперь мы с тобой в доме проживём!

«А что? — подумал Батрак, — почему бы и не так? Я-то и без Кулака проживу, а вот он пускай без меня попробует прожить!»

Выдернул из телеги оглоблю и в дом, и на Кулака:

— Ты чего вздумал мою суженую в погреб запираешь? А ну, пошёл прочь!

Кулаку охота затрещину Батраку влупить, да как с двоими говорить, если у них в помощниках ещё и оглобля? Залебезил, угоривает:

— Чего же это ты на своего кормильца? Из моих рук ел, да и на меня же с оглоблей?

— Об одном забыл,— нахмурился Батрак,— из моих рук брал! А теперь я тебя знать не желаю и своё забираю. Тесно нам тут втроём-то! Что своим трудом нажил, забирай и катись прочь, размыкивать ночь!

Видит Кулак, Беда к нему пришла, подхватился да вместе с ней без оглядки и вон из дома.

Обернулся Батрак спасибо своей суженой за подсказку сказать, смотрит, а перед ним такая лебёдушка стоит, такая павушка на него глядит, одно только и сказал:

— Свободушка ты моя ненаглядная!

А ЗАЧЕМ?

Однажды приполз Крот к Суслику, прошептал:

— Дай зерна, оголодал!

Суслик на зерне лежал, за обе щеки зерно уплетал. Глянул на Крота, лениво подумал: «А зачем он мне?» И в крик:

— Чего, голодранец, лезешь? Нет у меня лишнего!

А осенью такие дожди полили, напрочь нору Суслика затопили, еле вылез. Мок-мок под дождём, вспомнил Крота, кинулся к нему. Искал-искал, не нашёл, озлился:

— Ишь, когда ему, так лезет, а когда к нему, днём с огнём не сыскать!

Ерёма-мастер однажды подумал: «А зачем подарки? Как ни думай, а нехорошо получается! Выходит, я людям помогаю не ради дружбы, а ради подарка!»

И не стал Ерёма-мастер подарков брать.

Соседи как-то даже и заскучили. «Может,— думают,— Ерёма-мастер на нас обиделся? Или того хуже, загордился! Без подарка-то как его в другой раз пригласить ворота поставить, крылечко подправить, окно подновить? Денег-то сроду не берёт!»

Ерёма-мастер без долгих разговоров сам стал по дворам ходить. Пилил, строгал, подправлял. А уж если спасибо скажут, цветком лазоревым расцветал. Очень это понравилось соседке. И в день своего рождения она взяла да и пригласила Ерёму-мастера дверь поправить.

Ерёма-мастер тут как тут. Не успела соседка принарядиться, дверь на петельках заиграла как новенькая. Ерёма-мастер сложил инструмент, собрался уходить, а соседка вышла к нему, улыбкой одарила. Да такой, Ерёма-мастер не выдержал:

— Да за такую улыбку не дверь тебе сделать, соседка, а звезду с неба достать!

— Звезду? — простодушно заглянула соседка в глаза Ерёмы-мастера. — Зачем это мне звезда? Ты и сам к моему дню рождения мне дорогой подарок!

— А бери! — отчаянно махнул рукой Ерёма-мастер и тут же охнул: «Ну, бывает же! И подарок взял, и себя подарил!»

БРАТЯ

Жили-были ни далеко ни близко Ваня, Стёпа и Емеля. Ваня в поле рос, Стёпа в кузнице угли раздувал, Емеля за книгой дни коротал.

Пришло время, поднялись парни, пошли силы пытаться, счастье своё искать.

Долго шли Ваня, Стёпа и Емеля каждый своей дорогой, а никак своего счастья не находили. Да и то! Одному-то как его и углядеть? Потому, когда вдруг вышли на перекрёсток, обрадовались. Один-то ум — хорошо, а три — лучше!

Сели на обочину, познакомились, разговор повели. А костра не разводят. У Степана и Емели в торбах пусто, а у Вани один каравай остался.

Вздыхал-вздыхал Ваня, подумал: «Не помогу — один останусь!» И говорит:

— Есть у меня один каравай, поделим на троих.

— А я грибов-травок для супа поищу! — обрадовался Емеля.

— А я котелок сделаю! — захопотал Стёпа.

И скажи, как оно получается! Непременно хороших людей издалека видать! Не успели друзья делом заняться, три красавицы подошли. Одна костерок раздувает, другая грибы-травки промывает, третья стол накрывает.

Смотрят парни на девушек, думают: «Вот и моя судьба со мной повстречалась! Давно надо было бы вместе, а то один понапрасну плутал!»

Пообедали Ваня, Стёпа и Емеля и, пока девушки убирались, о деле заговорили. Куда от судьбы уходить? Некуда! А раз так, то и работу — в руки, а уж хозяйшки помогут!

Емеля самокат придумал, Стёпа самокат сделал, Ваня на самокате поле вспахал. И пошло, и поехало!

Зерно посеяли, семена посадили, саженцы вырастили. Хлеб вырос, огород раскинулся, сад зацвёл.

А где еда, там и живое всегда. И корова замычала, и поросёнок захрюкал, и петушок закукарекал.

А где живое, там и дом встаёт!

А где дом, там и завалинка. А где завалинка, там и разговор.

Собрались как-то вечером Ваня, Стёпа и Емеля на завалинке, разговор было завели, да поглядели друг на друга, замолчали, удивились: «А чего же это мои друзья мне спасибо не говорят? Если бы не я, разве были бы у них добро, хозяйки, ребяташки? Чем так-то молчком, лучше уйду!»

И разошлись бы, если бы вдруг Емеля не сказал:

— А зачем нам дружбу ломать, чтобы цену себе узнать? У каждого в общем деле третья доля! И не больше, и не меньше!

Ваня вздохнул:

— К тому ж, родные мы. Одна у нас мать — Земля.

Стёпа добавил:

— Один отец у нас — Труд.

Емеля утвердил:

— И то, где семья одна, там и права одни! Так и живут.

АННУШКИНЫ ЗАБОТЫ

Жил рыбак с женой да двумя дочками. Старшая, Олюшка, всё для себя старалась, а младшая, Аннушка, всё для людей старалась.

Наловил однажды рыбак много рыбы, на базар наладился в ближний городок. Олюшка тут как тут, требует:

— Ты уж, батюшка, про меня там не забудь, а то стыдно мне перед подружками. Ни серёжек, ни колечка, ни браслетика какого!

Рыбак в ответ:

— Вымахала с оглоблю, ничему не учишься, а всё с родителей тянешь! До каких лет так-то будет?

— Вот уж и укорять взялся! — ударилась в слёзы Олюшка. — Не купил ещё, а уж о цене говорит!

— И то! — вспыхнула жена. — Дитю и попросить ничего нельзя!

— Ладно, ладно, я спроста, — повинился рыбак. Отозвал от печки Аннушку, спрашивает: — А ты почему, безответная, ничего не просишь?

— Уж и к этой придрался! — возмутилась жена. — Дитю уж и помолчать никак нельзя!

Видит Аннушка, ссора затевается, просит:

— Если, батюшка, вспомнишь, купи мне золотое блюдечко — наливное яблочко. Люди советовали.

Долго, нет ли был рыбак на базаре, а привёз Олюшке серёжки, колечко, браслетик, Аннушке золотое блюдечко — наливное яблочко.

Надела Олюшка свои подарки и на улицу поскорее, похвастаться перед подружками. Ан-

нушка в своей светёлке поставила на стол золотое блюдечко, положила на него наливное яблочко и сказала:

Играй, играй, блюдечко,
Катись, катись, яблочко,
Показывай и поля, и моря,
И широкие луга,
И лесов городьбу,
И на праздник гульбу,
И дворцов красоту,
И небес высоту!

Как попросила, так всё и явилось, да ещё увидала: в темнице за решёткой сидит молодой орёл и смотрит, и смотрит пристально на Аннушку.

И чудится Аннушке, сидит в темнице не орёл, а молодец удалой.

С того дня так и стало. Олюшка за порог — Аннушка за стол, к золотому блюдечку — наливному яблочку, думать да гадать, как орла из неволи вызволить.

А однажды беда приключилась. Замешкалась Олюшка в своей светёлке, услышала слова Аннушки, позавидовала, надумала в золотое блюдечко заглянуть. И как раз соседка позвала Аннушку помочь платьё сшить.

Спрятала Аннушка в сундучок золотое блюдечко — наливное яблочко, к соседке ушла. Олюшка тут же и прокралась в светёлку Аннушки, достала золотое блюдечко — наливное яблочко, поставила на стол, сказала:

Играй, играй, блюдечко,
Катись, катись, яблочко,
Показывай и поля, и моря,
И широкие луга,

И лесов городьбу,
И на праздник гульбу,
И дворцов красоту,
И небес высоту!

Как попросила, так всё и явилось, да ещё увидала: в темнице за решёткой сидит молодой орёл и смотрит, и смотрит пристально на Олюшку.

Испугалась Олюшка, крикнула:

— Пропади ты пропадом на веки вечные!

Кинула золотое блюдечко — наливное яблочко в сундучок и убежала к своим подружкам от страха подальше.

Аннушка вернулась от соседки, поставила на стол золотое блюдечко, положила на него наливное яблочко, сказала:

Играй, играй, блюдечко,
Катись, катись, яблочко,
Показывай и поля, и моря,
И широкие луга,
И лесов городьбу,
И на праздник гульбу,
И дворцов красоту,
И небес высоту!

Как попросила, так всё и явилось, да без молодого орла! Смотрит, смотрит Аннушка на пустое местечко, затосковала, слезами горячими облилась, прошептала:

— На кого же ты меня, суженый мой, покинул? Неужели у тебя и сердца нет!

И только так сказала, распахнулось окошко, пал орёл на пол да тут же в доброго молодца оборотился. Лежит молодец, еле дышит.

Подняла Аннушка с превеликим трудом молодца, уложила на постель, лечить взялась.

Так три года и прошло. Днём молодец в орла превращался, за сундучком прятался, ночью молодцем оборачивался.

Однажды молодец вдруг встал с постели здоровым и сильным, сказал Аннушке:

— В давнюю пору железный змей на мою родину напал, да я отбился. Вот змей и попросил своего дружка Лиходея превратить меня в орла и посадить в темницу и так сделать, чтобы мне сидеть до тех пор, пока я пропадом не пропаду. А Лиходей добавил: болеть мне навеки, если не найдётся девушка с добрым сердцем, какая возьмётся меня лечить три года день в день, час в час, минута в минуту. Да без корысти для себя. А я вот хочу, чтобы вышла ты за меня замуж!

Опустила Аннушка голову, промолчала. А Олюшка тут как тут, при всём народе величается:

— Лучше меня, добрый молодец, невесту и не найдёшь!

Добрый молодец свадьбу затеял, ждёт слова от Аннушки. А она молчит и молчит! Боится она, от её слова пропадёт добрый молодец.

Посмотрели люди на Аннушку и Олюшку, сказали:

— Не тот хорош, кто кричит, а тот, кто молчит! Бери, добрый молодец, Аннушку, не ошибёшься!

Добрый молодец подумал-подумал, сказал:

— Пусть молчание будет знаком согласия!

И взял за руку Аннушку, на горе Олюшке. Как она перед молодцем серёжками, брасле-

тиком да колечком ни сияла, а обошёл, не заметил!

А на свадьбе люди одно и говорили:

— Ох, и жених у Аннушки! Ну, настоящий орёл!

— Он и есть орёл, он и есть орёл! — билась в слезах Олюшка.

И все удивлялись, чего она так-то.

А после свадьбы молодец и Аннушка ушли в светёлку. Аннушка достала из сундучка золотое блюдечко — наливное яблочко, сказала:

Играй, играй, блюдечко,
Катись, катись, яблочко,
Показывай и поля, и моря,
И широкие луга,
И лесов городьбу,
И на праздник гульбу,
И дворцов красоту,
И небес высоту!

Как попросила, так всё и явилось, да ещё и с оказией: сидит Аннушка с добрым молодцем, улыбается, а около них справа сыновья сидят, слева дочки.

Аннушка сказала:

— Выходит, будут у нас внуки, будет кому старость нашу согреть.

ИВАНУШКА И ЕГО ПТИЦА СЧАСТЬЯ

Рос, рос Иванушка, вырос, сказал родителям:

— Спасибо за то, что вспоили-вскормили меня. Теперь пойду свою птицу счастья добывать.

Отец дал дорожную палку, сказал:

— Вот тебе друг-товарищ.

Мать дала в тряпице сухариков, сказала:

— Вот тебе помощники.

Когда вышли на крыльцо, отец сказал:

— Прямая дорога всегда к дому приведёт.

Мать вздохнула, сказала:

— Счастье всегда ближе, чем думается.

Иванушке и ещё бы отца-мать послушать, а дорога так потянула за собой, остановиться не успел, как в чужом краю оказался.

Смотрит Иванушка, впереди какая-то птица огнями переливается, а под ногами ворона валяется. Переступить бы, да и к жар-птице, а не может. Дума так и бьётся, колотит совесть. А что если всю жизнь будет думаться: почему переступил, почему не посмотрел — жива ли ворона? Никакая жар-птица не застит вины!

Потоптался Иванушка, поднял ворону, поглядел, а она живая!

Обрадовался Иванушка, что не понапрасну остановился, выискал на речке местечко получше, нарвал чистотелу, обмыл раны, нарвал подорожнику, приложил к ранам. Рубаху не пожалел, подол оторвал, выстирал в речке, высушил на солнце, перевязал ворону.

Так целую неделю и провозился. А через неделю ворона очнулась, сказала:

— Воронёнка спасала, с ястребом билась.

Порадовался Иванушка за ворону, а сам голову опустил, вздыхает. Мелькнула огненная птица да и улетела. С ней-то, может, и его бы жизнь яркой звёздочкой сверкнула.

И вдруг ворона сказала:

— Сверкнула бы твоя жизнь да и пропала. Для себя сундук набивать — людскую память потерять. Сделаешь чего для людей, тяжелей, да зато тебя поймут, отблагодарят за труд.

— Чего уж там! — застыдился Иванушка, — не надо мне ничего ни от тебя, ни от кого другого! А раз выздоровела, завтра и в путь-дорогу!

Утром Иванушка пристроил ворону на плече, дальше пошёл.

Шёл-шёл, на город вышел. А в городских воротах Змеюга чёрный, шипит:

— Куда лезешь? Не положи не ищут!

— И то, — смутился Иванушка, — да как мне дальше-то идти?

Змеюга чёрный нахально зашипел:

— Назад вороти!

Иванушка было и назад, ворона в крик:

— Тебе что говорили? По прямой дороге надо идти, по прямой, а не сворачивать! На нахала надо не с добром, а с колом! Для чего у тебя палка-то?

Пока Иванушка с мыслями собирался, Змеюга чёрный такой затрещиной угостил, еле на ногах устоял.

— Ах, так? — возмутился Иванушка и так наотмашь двинул Змеюгу чёрного, тот ворота прошиб, через весь город вытянулся, с другого конца дорогой выскочил.

Пошёл было Иванушка дальше, а люди дорогу загородили, говорят:

— Спасибо, что освободил, оставайся у нас!

Ворона прямо в ухо говорит:

— Остайся, если глянется, да надо бы одного правила придерживаться: чужому нраву покоришься — свой потеряешь!

— А верно! — обрадовался Иванушка. — Раз уж взялся птицу счастья искать, не отступлюсь!

Посмотрели люди на Иванушку, заулыбались, сказали:

— Молодец, что на своём стоишь! Удачи тебе!

«Так-то оно так, — подумал Иванушка в дороге, — стоять на своём стою, а где она, птица-то счастья? Улетела!»

И вдруг ворона сказала:

— А ты не горюй, Иванушка. Говорят, цыплят по осени считают. Придёт осень, тогда и счёт вести будешь, а нынче вперёд и вперёд шагай! Больше узнаешь — жизнь больше станет!

Шёл-шёл Иванушка, в город пришёл. Смотрит, ворота раскрыты, паутиной заросли, в домах двери и окна раскрыты, а кругом ни одной живой души!

Взлетела ворона с плеча Иванушки, огляделась, тяжело опустилась, сказала:

— Ленъ чёрная всех жителей города к болоту повела. Хочет всех в тёплом болоте спать навеки уложить, а город себе захватить!

Кинулся Иванушка за жителями города, обежал их, кричит:

— А кто отгадает, что острее бритвы?

Остановились люди, не знают, как быть. К болоту идти или загадку разгадывать? А Иванушка своё:

— Захотелось на зелёной травке полежать? А под травкой-то бездна чёрная!

Ткнул палкой в траву, ушла вся палка. Догадались люди: надо загадку отгадывать. Гадали-гадали, один старик и говорит:

— Язык острее бритвы!

— Правильно! — засмеялся Иванушка. — Вот он почище бритвы вашу ленивую мудрость сбрил!

Повинились люди, что сами не сообразили, Лени чёрной поддались, говорят:

— Спасибо тебе, Иванушка, что нам беду обойти помог, оставайся у нас!

Ворона прямо в ухо говорит:

— Останься, если глянется, да надо бы одного правила придерживаться: чужими мыслями жить начнёшь — свои потеряешь!

— А верно! — обрадовался Иванушка. — Раз уж взялся птицу счастья искать, не останавлиюсь!

Посмотрели люди на Иванушку, заулыбались, сказали:

— Молодец, что на своём стоишь! Удачи тебе!

«Так-то оно так, — подумал Иванушка в дороге, — стоять на своём стою, а где она, птица-то счастья? Улетела!»

И вдруг ворона сказала:

— А ты не горюй, Иванушка. Говорят, когда себя испытаеть, тогда и цену себе узнаешь. Придёт время, тогда и счёт вести будешь, а нынче вперёд и вперёд шагай! Больше узнаешь — жизнь больше станет!

Шёл-шёл Иванушка, в город пришёл. Смотрит, люди лежат и уж не стонут. Только один старик приподнялся, прошептал:

— Голод чёрный нас одолел! Город себе хочет забрать!

Растерялся Иванушка, посмотрел на ворону. А ворона нахмурилась, укорила:

— Или мне тебя учить, как этим людям

помочь? Паши землю, а я живое зерно принесу!

Иванушка тут же и за дело. Землю вспахал, живое зерно посадил, вырастил пшеничное дерево, собрал урожай, испёк хлеба, людей накормил, на ноги поставил.

Окружили его люди, говорят:

— Спасибо, что спас, оставайся у нас!

Ворона прямо в ухо говорит:

— Останься, если глянется, да надо бы одного правила придерживаться: везде хорошо, а дома лучше!

— А верно! — обрадовался Иванушка. — Раз уж взялся птицу счастья искать, не останюсь!

Посмотрели люди на Иванушку, заулыбались, сказали:

— Молодец, что на своём стоишь! Удачи тебе!

«Так-то оно так, — подумал Иванушка в дороге, — стоять на своём стою, а где она, птица-то счастья? Улетела!»

И вдруг ворона сказала:

— А ты не горюй, Иванушка. Говорят, что ищешь, то всегда найдёшь! А найдёшь — счёт своим делам поведёшь. А нынче вперёд и вперёд шагай! Больше узнаешь — жизнь больше станет!

Шёл-шёл Иванушка, всё прямо, всё прямо! А известно, если прямой дорогой пойдёшь — непременно к своему дому придёшь!

Мало, много ли времени Иванушка прошёл, смотрит, к огороду вышел, пригляделся, а на огороде соседка Настя стоит, красным солнышком на него глядит!

— Заходи, Иванушка, — улыбнулась Настя, — это твой дом, три города его стро-

или, а привело к нему тебя доброе сердце!

— Моя птица счастья! — встрепнулся Иванушка.

Огляделся, а на плече — никого! Только на крыше дома какая-то ворона сидела, на него глядела. Окликнул он её, а она взмахнула крыльями, на тополь перелетела, с прутиком в клюве.

РОГА

Жил-был в одном городке у славных родителей сынок их Никита. Грамотей на сто затей, работает так, лучше не сделаешь никак, а собой такой видный, смотреть не обидно! Ну чем не жених? Родители уж и невесту ему присмотрели, а он в ответ:

— Какую девушку из беды выручу, та станет моей женой.

А тут и слух прошёл — соседку Оленьку Чванство одолело. Отца-мать не видит, соседей не замечает, губы кривит, сквозь зубы говорит:

— Я несусветная красавица, и все мне в ножки должны кланяться!

— Может, задача и по мне, — вздохнул Никита. — Нет слов, задача не из лёгких, да если не попробовать, всю жизнь потом себя замучишь. Всё будет думаться: а вдруг бы смог бы, а не взялся!

И к Оленьке.

— Куда ты, родимый? — охнула мать. — И Оленьке не поможешь, и сам пропадёшь!

А Никита и никакого внимания! Охота ему с Чванством силами помериться. Так-то вот и пришёл к дому Оленьки.

— Куда ты, добрый молодец? — остановил его отец Оленьки. — Не красота у нас, а беда несусветная! Дочку Чванство на нет изводит.

А Оленька в окошко глядит, свысока говорит:

— Какой такой невежа мне, красавице несусветной, солнце застит, не даёт мне на себя налюбоваться!

А Никита прямо в светёлку к Оленьке да и говорит вежливо:

— Нынче так у нас — красоту в труде ищут, не в зеркале, пусть оно хоть и солнцем будет!

— Ишь как запел, а пришёл! — покривилась Оленька. — Лучше меня потешь, чем выговаривать. Пойди в лес и найди — не найди там то, чего я желаю — не желаю!

— Ладно, — согласился Никита, — да такой будет уговор: до моего возвращения простую воду не пей!

— Чтобы я, красавица несусветная, да пила простую воду? — возмутилась Оленька. — За кого это ты меня принимаешь, на квасах сладких воспитанную? Лучше убирайся да и не возвращайся!

Вышел Никита на крыльцо, а мать Оленьки плачет:

— Куда ты, бесталанный, пойдёшь? Сколько уж молодцев Оленька сгубила! Ты как раз сотым будешь!

— Попытка — не пытка, — сказал Никита и ушёл в лес.

Бродит Никита по лесу, сгоняет со своей дорожки козлов, думает: «Чего бы мне найти — не найти, чтобы Оленька сначала пожелала, а потом бы не пожелала?»

Ходил-бродил Никита, пить захотел. Увидел козла, прикинул: «Пойду за ним, должен он когда-нибудь привести к воде!»

И правда, привёл его козёл к речке. Никита вытянулся на бережку, только было начал пить, смотрит, а по воде несёт два яблочка. Одно белое, а другое красное.

«Вот и завтрак мне, и обед! — подумал Никита. — Белым позавтракаю, красным пообедаю».

Напился Никита, устроился под ореховым кустом, и за белое яблочко. Съел, чувствует — неладное что-то с ним. Глянул в речку, а на голове козлиные рога растут! «Уж не в козла ли оборочусь? — нахмурился Никита. — То-то сгинуло девяносто девять женихов, а в лесу разгуливает столько козлов, не пересчитать».

Думы думами, а есть охота. «Эх, была не была, — махнул рукой Никита, — а трусу в лес не ходить!» И съел красное яблочко.

Глянул в речку, а рогов как не бывало!

Где загадка, там всегда и разгадка. Посадил Никита семечки от белого и красного яблочек. Поднялись росточки, яблони взялся выращивать, себя не жалел. Зато и яблони выросли такие: взглянешь — не отойдёшь! А уж про яблоки и говорить нечего. Одно к одному.

— Вот и нашёл и не нашёл, а вырастил! — обрадовался Никита. Набрал белых и красных яблок да к Оленьке пошёл. А по дороге на своей дорожке для козлов красные яблоки оставлял.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Пока Никита из леса выбирался, зима на дорогу легла. И пропасть бы Никите,

да девяносто девять женихов в сугробах тропку проторили, до ворот Оленькиных проводили, сказали спасибо да по своим родным местам разошлись.

Зашёл Никита в дом Оленьки, угостил её родителей красными яблоками. Стали они тут же молодыми, красивыми, весёлыми.

— И мне, и мне яблока! — шипит Оленька. Горло у неё засахарилось от сладкого кваса, пока перед простой водой чванилась.

Дал Никита Оленьке белое яблоко. Не успела Оленька яблоко доест, выросли у неё здоровенные рога.

Глянула Оленька в зеркальце, посмотреть, отчего и почему голове тяжко, увидела рога, завопила:

— Не хочу! Не желаю!

— Выходит, получила ты, Оленька, — сказал Никита, — чего пожелала и не пожелала! Быть тебе теперь на всю жизнь чванливой козой. А хочешь быть красивой — в работе красоту добывай!

А рога растут, а рога растут!

Испугалась Оленька, выбросила Чванство в окошко, за веник взялась, по огороду с тяпкой прошлась, около печки с чугунами и горшками игру затеяла. И минуты не пролетело, усадила мать-отца и Никиту за стол, повинулась:

— Простите, не я виновата, Чванство одолело, а я обидеть никого не хотела!

Не пожадничал Никита, не одно, целых три яблока дал Оленьке. Одно за страдание, другое за признание, а третье за труд.

От первого яблока спали рога, от второго

яблока стала Оленька доброй, а третье яблоко съела, осмелилась:

— Приветишь, Никитушка, я и в твоём доме сумею печку растопить.

ПИРОЖОК СО СЛЕЗИНКОЙ

Пришла бабушка из больницы и сразу же на кухню. А то куда же? На кухне она хозяйка! И доченьку покормит, и зятя уважит, и внучка сладким пряничком угостит!

Все трое и не знают, куда бабушку усадить. Там внучек сидит, тут зятёк пристроился, а доченька у плиты хлопочет.

Сядет бабушка у шкафчика, глядь — мучица понадобилась! Присядет у холодильника — маслице нужно взять, к столу приткнётся — к плите не подойти.

Бабушка маялась-маялась, догадалась за порогом кухни у косяка пристроиться. Оглядела кухню, поняла: лишняя она оказалась, пока в больнице разлёживалась.

А доченька позабавилась: из остатков теста пирожок для бабушки выпекала. Тянет через всю кухню, приговаривает:

— Скушай пирожок с дорожки!

Всхлипнула бабушка, жуёт пирожок пополам с горькой слезинкой, прожевать никак не может.

Доченька лепечет:

— Ты чего в слёзы-то?

А бабушке слышится:

«Куда же её теперь?»

Зятёк толкует:

— В коридоре и отдохнёт.

А бабушке слышится:

«Живучая!»

Внучек сердится:

— Тебе, мамка, хорошо, бабушка у нас одна, а мне так вам целых два пирожка подавать!

Мама охнула, папа ахнул — родителям пирожков пожалел! А бабушка утешила:

— Не горюй, сиротинка, пирожки со слезинкой кто же есть станет? Тебе достанутся!

УМНАЯ НАТАЛЬЯ

Жили-были старик со старухой. У них было три сына — Данила, Емельян и Степан. Родились они в один день, в один час, рост в рост, волос в волос, голос в голос. Выросли и такие работники удались — позавидуешь. И ума каждому не занимать.

Так бы братьям одно в одно и жить, да оплошка вышла. Посватались они в один и тот же день, в один и тот же час к своей соседке Наталье.

Встретила их Наталья хлебом-солью на крыльце, в горнице за самовар усадила, варенье вишнёвое подала, разговор братьям в укор повела:

— Всем вы задались — и умом, и трудом, и добром. Да как я за всех троих замуж выйду? И такое моё слово будет: пойдите вы по белу свету, ум свой испытайте, к делу руки приложите. Кто из вас мне самый дорогой подарок принесёт, тому и согласие моё.

И заспорить бы братьям, а куда ни кинь, правда за Натальей. Встали, поклонились, в дорогу подались.

Шли братья, шли, до развилки дошли. На камне надпись: «Кто вправо пойдёт, тот своё найдёт, кто прямо пойдёт, тот заветное найдёт, кто влево пойдёт, тот доброе найдёт».

— Каждому без обиды, — сказал Данила и вправо пошёл.

— Каждому по сердцу, — сказал Емельян и прямо пошёл.

— Каждому по таланту, — сказал Степан и влево пошёл.

Много ли, мало времени прошло, достиг Данила тонкого мастерства. Сумел он сделать волшебное зеркальце. Глянешь в него — всё на свете увидишь.

Много ли, мало времени прошло, достиг Емельян высокого мастерства. Сумел он сделать самолёт. Сядешь в него — сразу же прилетишь туда, куда прикажешь.

Много ли, мало времени прошло, достиг Степан великого мастерства. Вырастил он целебное яблоко. Съешь — от любой болезни вылечит.

Домой пошли братья. У развилки встретились, рассказали, какие подарки сделали.

Степан обрадовался, что Данила волшебное зеркальце сделал, говорит:

— Давай посмотрим, что Наталья делает!

Достал Данила из сундучка волшебное зеркальце, глянули братья в него — ахнули. Наталью болезнь одолевает!

— Яблочко бы ей моё! — вздохнул Степан.

— А чего же мы сидим? — сказал Емельян. — У меня же самолёт есть!

Сели братья в самолёт и сразу же у крыльца Натальи опустились.

Степан кинулся к Наталье, яблочком угостил. Наталья тут же встала, слово сказала:

— Вы люди умные, дорогие гости мои. Сами рассудите, кто из вас чего достиг, и кто из вас меня спас.

Данила и Емельян голос в голос сказали:

— Мы дома похвалимся волшебным зеркальцем и самолётом, а Степан пусть невестой похвалится.

Наталья улыбнулась, Степана за руку взяла, глаза опустила, тихонько сказала:

— По моей ты дорожке-то шёл к яблоньке.

НЕОСТОРОЖНОЕ СЛОВО

В некотором селе жили-были старик со старухой. Вырос у них сын Василий. И собой пригож, и в деле хорош. Дома расписные по всей округе такие ставил, глаза слепило, хоть в жмурки играй.

Да у нас как ведётся? Своего мастера и в упор не видят, а всё за околицу глаза таращат. Потому девушки в родном селе знали не Василия, а Машу-мастерицу из соседнего села. Уж больно она тёплые пуховые платки вяжет.

А старухе такое и невдомёк. Как наладилась гладкая зимняя дорожка, собралась да потихоньку-полегоньку и отправилась по домам невесту Василию высматривать. Сначала-то к ближней соседке завернула, а та от ворот поворот:

— Куда оглобли заворачиваешь? Вот если бы твой Василий был под стать Маше-мастерице, тогда бы и приходила! А так век бы моей дочке твоего недотёпу не видать!

Постучалась старуха в другие дома, а там такой же ответ.

Так ни с чем и пришла старуха домой.

Узнал Василий об ответах, неосторожное слово сказал:

— Пропасть бы этой Маше-мастерице! Свет застит. Уйду от стыда куда глаза глядят.

Отцу-матери поклонился да и полез по сугробам за околицу.

А тем временем из соседнего села Маша-мастерица вышла. Идёт, слёзы утирает, куда от стыда деваться не знает. Пошёл отец к соседу жениха посмотреть, а сосед ему от ворот поворот:

— Куда оглобли заворачиваешь? Вот если бы твоя Маша была под стать Василию-мастеру, тогда бы и приходил! А так век бы моему сыну твоей дурочки не видать!

Постучался старик в другие дома, а там такой же ответ.

Так ни с чем и пришёл старик домой.

Узнала Маша об ответах, неосторожное слово сказала:

— Пропасть бы этому Василию-мастеру! Свет застит. Уйду от стыда куда глаза глядят.

Отцу-матери поклонилась, пуховый платочек накинула и за околицу.

Идёт Маша, о сугробы спотыкается, в снег зарывается. Вот-вот упадёт и пропадёт. Да с Василием столкнулась.

Глянул Василий на Машу, пожалел, слёзы ей утёр. Заметил, что без полущубочка она, свой накинул. Увидел, нет рукавичек, свои варежки надел на стылые руки. А когда надевал, за мозоли задевал.

«Работница! — обрадовался Василий. — А мне ли, мастеру, позволить, чтобы такая ладушка пропала!» Да без долгих разговоров

пилу с плеча снимает, из ящичка инструменты достаёт.

Желание Василия Машу из беды выручить было таким горячим — зима отодвинулась, лето пришло.

У мастера всегда дело спорится. Не успела Маша опомниться — дом стоит, окошками на неё весело глядит, а сам будто пряник.

Тут и зима опомнилась, лето на прежнее место поставила, завьюжила.

Василий в доме стены изукрасил, а Маша — на все руки мастерица. И дом прибрала, и обед сготовила, и на стол подала.

Засмеялся Василий, сказал:

— Думал, гостью в дом пригласил, а оказывается, хозяйку!

Не успела Маша слова сказать, появились в дом гости незваные из одного села да из другого.

Поклонились Василию девицы красные, зароптали:

— Зачем ушёл, кто же теперь дома нам ставить будет?

Поклонились молодцы Маше, повинились:

— Кто же знал, что без тебя и платков не будет? Девушкам не в чем к тёлкам высккивать!

Василий и Маша друг на друга посмотрели, ахнули, в один голос сказали:

— Да чтоб пропасть этим самым обидам!

СТАРШИЙ И МЛАДШИЙ

Младший брат вместе с женой работал и работал, а старший всё ловчил и ловчил. И так сумел словчить, младший ему хоромы за так отгрохал.

Старший погулял по хоромам, нацелился гостям хоромы показать, похвастать, как он сумел и без трудов праведных построить палаты каменные.

Первым в гости младший брат пришёл. Усадил его старший рядом, говорит:

— Видишь, как я тебя привечаю!

А тем временем гости валом повалили, да один другого нужнее! Как не угодить, как рядом не посадить?

Так и стал младшего ближе да ближе к двери подвигать, а когда и последнее место понадобилось, крикнул:

— А по правде, не мешал бы людей привечать! Катись отсюда вдоль да по столбовой!

Что делать младшему, раз такой приговор? Запряг своего древнего Гнедка, усадил жену да и покатил по столбовой. В первой же деревне его остановили, сказали:

— Слышали мы, по правде ты живёшь. Оставайся у нас, дом поможем поставить!

А старший пировал-пировал, очнулся от холода-голода. Глядь-поглядь, ни самовара, ни еды, скотина голодная ревёт, в огороде от зайцев разор, на яблонях не яблоки — воробьи на ветках притулились.

— Как так, почему? — завопил старший. — Где младший с женой? Так-то благодарят за то, что угол дал, куска хлеба не пожалел?

— А ты сам вчера младшего со двора согнал, — промямлила жена из-под пуховика, — уехал он да заодно и жену увёз.

Запылил старший вдоль да по столбовой, влетел в деревню, завидел младшего на заваulinке нового дома, заорал:

— Почему к терему пристрой не ставишь?

А жители деревни придвинулись, спрашивают:

— Скажи по правде, терем-то младший тебе за так поставил?

— А ваша какая печаль? — взвился старший.

— Да какая же тут печаль? — сказали мужики. — Благодарствуем, что догадался хоть жеребца с коляской младшему за работу прислать!

И жеребца с коляской к младшему в сарай.

— Как так? — встопорчился старший. — Я его за стол сажал!

А жители деревни ещё плотнее придвинулись, удивляются:

— Как же это место у тебя за столом таким скользким оказалось, что младший и в деревне еле остановился!

— А ваша какая печаль? — встопорчился старший.

— Да какая же тут печаль? — сказали мужики. — Благодарствуем, что догадался кошель полным привезти младшему за работу!

И кошель с деньгами — из кармана старшего в карман младшего.

— Разбой! — подавился криком старший. — Младший и жену свою увёз!

А жители деревни за одёжку старшего взяли, говорят:

— А где это видано, чтобы мужику и без жены?

— А ваша какая печаль? — задохнулся старший.

— Да какая же тут печаль? — сказали мужики. — Благодарствуем, что во всё новенькое догадался приодеться! Продадим, жене младшего обнову купим!

И всю одежду старшего на завалинке сложили, а самого под белы ручки за околицу выпроводили.

С тем и вернулся старший домой. И пошло у него без младшего всё не так, всё наперекосяк.

Когда остался старший гол как сокол, сказал жене:

— А пойдём к младшему, посмотрим, как он меня за стол сажать будет!

УДИВИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Жили-были старик со старухой. Плохо жили, каждый день друг друга бранили.

Заденет старуха за угол печки, старика захлёт корит, зачем острые углы понаделал. Наступит старик на кочергу, хлопнет она его по лбу, старик сразу же на старуху напустится, зачем кочергу не так поставила.

Вот так-то с утра и пойдёт раздор, разгорится спор.

Придут соседи мирить, старуха в ответ:

— При чём здесь я? Это всё он, старый!

А старик не уступает:

— При чём здесь я? Это всё она, старая!

Однажды сосед шепнул старику:

— Подскажу я тебе удивительное слово! Оно враз все ваши споры-раздоры утихомирят!

Выслушал старик соседа, пробормотал:

— Ладно уж, попробую. Да разве мою старуху какое-то слово утихомирят?

Пришёл домой, а старуха на него ястребом:

— Шляется, а лучин для самовара не наколол!

— Виноват, — пробормотал старик, — сейчас нащиплю лучин.

Старуху словно в воду окунули. Рот разевает, а слова сказать не может.

Старуха поднимала с пола чугунок с водой, ударилась об угол печки, на старика напустилась:

— Я бьюсь-колочусь, а он сидит!

— Виноват, — пробормотал старик. Подошёл, взял чугунок, сказал: — Отдохни, я сам поставлю в печь.

Старуху словно в воду окунули. Рот разевает, а слова сказать не может.

Старуха в обед стала на стол накрывать, не выдержала, завопила:

— Я спины за целый день не разогну, а он сидит, даже хлеба не нарежет!

— Виноват, — пробормотал старик, — я сейчас!

Старуху словно в воду окунули. Рот разевает, а слова сказать не может.

И в обед и после обеда такая весёлая тишина объявилась, старуха не выдержала, сказала:

— И я когда виноватой бываю.

МАТЬ И СЫНОВЬЯ

Не за тридевять земель, а около речки на опушке леса рос и вырос весёлый городок. В том городке жили-были три сестры. Вышли они по осени в один день, в один час замуж. Стали жить-поживать, добра наживать, по магазинам ходить, на гульбищах плясать, на крыльчке песни петь.

И смотри как! У старшей сестры сынок

родился, в лесок погулять запросился. Свежим воздухом подышать, птиц послушать, с грибами в прятки поиграть.

Наладилась старшая сестра в лесок. Шла да и раздумалась: «А зачем мне этот сынок? Я ещё и сама не отгуляла, а изволь его прогуливать!»

Пока думала, на стол наткнулась. Стол сразу скрипнул:

— Молодая-удалая! Убери меня с тропки, поставь под берёзкой, почишь-прибери, постарайся!

— И меня приветь! — щёлкнули ножницы на столе. — Не побрезгуй, протри, поточи да снова на стол положи!

— Ишь чего захотели! — зашла сестра старшая. — Не по-вашему, по-моему будет!

Бросила сына под стол, на гульбище убежала.

А тем временем и у средней сестры сынок родился, в лесок погулять запросился. Свежим воздухом подышать, птиц послушать, с грибами в прятки поиграть.

Наладилась средняя сестра в лесок. Шла да и раздумалась: «А зачем мне этот сынок? Я ещё и сама не отгуляла, а изволь его прогуливать!»

Пока думала, на кузницу наткнулась. Горн сразу прошелестел:

— Молодая-удалая! Убери меня с тропки, поставь под берёзку, почишь-прибери, постарайся!

— И меня приветь! — звякнула наковаленка. — Не побрезгуй, протри, маслом смажь да рядом с горном поставь!

— Ишь чего захотели! — зашла сестра средняя. — Не по-вашему, по-моему будет!

Бросила сына под горн, на гульбище убежала.

А тем временем и у младшей сестры сынок родился, в лесок погулять запросился. Свежим воздухом подышать, птиц послушать, с грибами в прятки поиграть.

Младшая сестра лягушкой не скакала, улиткой не ползла, солнышком выступала, бережно сыночка несла. А лёгкий ветерок ему колыбельную напевал:

Баю-баю-баю-бай,
Крепче глазки закрывай,
Сладкий сон оберегай,
До рассвета не вставай.
Росы вымоют листок,
Обернёмся на восток,
Зорьку ясную разбудим,
В ней умыться не забудем,
Красоту себе возьмём,
А прославим мастерством.
Баю-баю-баю-бай,
Крепче глазки закрывай.

Заслушалась младшая сестра, не заметила, как на тропку старшей сестры вышла, на стол натолкнулась. Стол сразу скрипнул:

— Молодая-удалая! Убери меня с тропки, поставь под берёзкой, почишь-прибери, постарайся!

— И меня приветь! — щёлкнули ножницы на столе. — Не побрезгуй, протри, поточи да снова на стол положи!

Младшая сестра стол и ножницы словом не попрекнула, сделала всё, как они просили. А на тропку шагнула — племянника своего увидала. Подняла его, вместе со своим сыночком понесла.

Своя ноша не в тяжесть. Не заметила младшая сестра, как на тропку средней сестры шагнула, на горн натолкнулась. Горн сразу прошелестел:

— Молодая-удалая! Убери меня с тропки, поставь под берёзкой, почисть-прибери, поставь!

— И меня привить! — звякнула наковаленка. — Не побрезгуй, протри, маслицем смажь да рядом с горном поставь!

Младшая сестра горн и наковаленку словом не попрекнула, сделала всё, как они просили. А на тропку шагнула — второго племянника увидела. Подняла его, вместе с первым племянником и своим сыночком понесла.

Своя ноша не в тяжесть. Не заметила младшая сестра, как на полянку вышла и прямо к родничку. Родничок говорит:

— Молодая-удалая! Почисть меня, камешками обложи, дорожку к речке проложи!

— И меня привить! — зазвенела колокольчиками полянка. — Не побрезгуй, взрыхли меня, пшеничный колосок взрасти!

Младшая сестра родничок и полянку словом не попрекнула, а принесла на полянку стол, ножницы, горн и наковаленку. Лопатку отковала, плужок сделала, одежду для сына и племянников сшила. Лопаткой дорожку родничку прокопала к речке, плужком полянку вспахала. Зёрнышко пшеничное в поле нашла, на полянке посадила.

Подумала-подумала да и посадила сына старшей сестры на стол, дала ножницами поиграть. Подумала-подумала да и поставила сына средней сестры около наковаленки, дала молоточек, чтобы о наковаленку постучал. Подумала-подумала, посадила своего сыночка

в пшенице, пускай, дескать, колосками поиграет.

Всех трёх младшая сестра сыночками называла, молоком своим кормила, в зорьке утренней купала, делу учиться помогала.

Выросли три брата людям на загляденье, мастерами невиданными. Старший стал великим портным, средний стал великим кузнецом, младший — великим земледельцем.

Никакого труда, никакого времени, никаких сил братья для жителей городка не жалели. Горожане пригляделись к братьям, пригласили их править городом.

— А куда мы без матери? — сказали братья. — Пусть она впереди нас идёт. Это она людьми нас сделала людям в утеху.

— Куда мне? — испугалась мать. — Руки у меня как грабли, ноги у меня как лопаты, спина у меня горбом торчит!

— Зачем напраслину на себя наговариваешь? — сердито сказал старший сын. — Руки у тебя золотые.

— Зачем напраслину на себя наговариваешь? — сердито сказал средний сын. — Ноги у тебя чудесные. Они нас по дороге счастья провели!

— Зачем напраслину наговариваешь? — сердито сказал младший сынок. — Ты солнышка ясного краше!

Всплеснулся родничок, проговорил:

— Красива ты, мать! Красива своим трудом!

Так и пришлось матери идти впереди своих сыновей. Идёт, стесняется, глаза опустила.

И вдруг две грязные старухи выползли на дорогу, тянут чёрные лапищи к старшему и среднему сыновьям, вопят:

— Сыночки вы наши!

— Нет,— сказали сыновья.— Мать у человека та, какая его на ноги поставила.

Расползлись сёстры грязью, к сапогам братьев липнут. Поглядели люди на такое да грязь с дороги и соскребли.

ДОРОЖЕ ВСЕГО НА СВЕТЕ

Было — не было, кто знает? Заприметил однажды работающий парень Пантелей, что все парни зачастили в соседнее село. Взял да и сам туда отправился.

И лучше бы не ходить! Как увидел Наталью, сердце оборвалось, язык отяжелел, ум-разум потерял.

А Наталья улыбнулась утренним солнышком, говорит:

— Вижу, Пантелей, не отстаёшь ты от людей. Вот тебе и задача: принеси мне то, что дороже всего на свете!

Крепко задумался Пантелей. А никакого ответа на задачу! Вдохнул, пошёл туда, куда глаза глядят.

Долго, нет ли плёлся-спотыкался, до избушки-развалюшки кое-как добрался. Заглянул в избушку, а там на дырявой печке под дырявым тулупом человек не человек, чучело не чучело ворочается.

— Что за беда приключилась? — спросил Пантелей.— Может, помогу?

— Поможешь, поможешь! — захрипело чучело не чучело.— Дам я тебе золотой неразменный рубль, а ты мне дом поставь!

Залюбопытствовал Пантелей, что за рубль получит, и принялся дом ставить. Три года не

прошло, поставил вместо развалюхи весёлый теремок с резным крылечком, ждёт, когда чучело не чучело ему рубль даст, а чучело не чучело в слёзы, ползает около Пантелея, скулит:

— За что убиваешь? Как же я тебе отдам мой рубль, когда он дороже всего на свете!

Обрадовался Пантелей, сбежал с крылечка, кинулся к Наталье, повторяет:

— Дороже рубля нет ничего на свете!

Так бы, может, и добежал бы до Натальи, да остановился около девицы. Сидит она у дороги, пригорюнилась.

— Что за беда приключилась? — спросил Пантелей.— Может, помогу?

— Поможешь, поможешь! — всхлипнула девица.— Если сумеешь вскопать огорода, колодец вырыть.

— Это можно! — согласился Пантелей.

— Да вот нет у меня денег тебе заплатить! — сказала девица.

— И не надо,— замахал руками Пантелей,— я так, по дружбе!

И три года не прошло, раскинулся у дороги такой развесёлый разноцветный огород с колодцем посередке, что девица не выдержала, сказала:

— Нет ничего дороже дружбы! Вот какая в ней красота!

«Так дружба дороже всего на свете! — вполнохнулся Пантелей,— спасибо девице за сказку!» Поскорее с девицей распрощался и отправился к Наталье. Да от радости-то и на дорогу не глядел, а потому стремглав и в овраг влетел. Очнулся, видит — стены оврага круты. Вдохнул Пантелей, не знает что и делать.

День проходит, два проходит, на третий день затосковал Пантелей. В глазах то солнышко, то просторная дорога, то даль бескрайняя. На четвёртый день прошептал:

— Всё бы тому человеку сделал, кто бы вытащил меня из оврага, свободу мне дал!

И надо же, не успел и подумать, как сверху кричат:

— Эй, добрый человек, держи верёвку!

Уцепился Пантелей за верёвку, вытянул его старик, укоряет:

— Что же ты, милый человек, под ноги не глядел?

— Виноват, дедушка, — потупился Пантелей, — а за твою помощь готов я тебе пособить в чём.

— Пристигла меня одна беда, — понурился старик, — хуже не бывает.

— Что за беда приключилась? Может, помогу?

— Поможешь,поможешь, — сказал старик, — летом суховой сад у меня погубил, вот бы садик посадить.

— Это можно! — согласился Пантелей.

И три года не прошло, посадил Пантелей садик, а старик даёт и даёт задания. То ему сарайчик построить, то ему свинок вырастить, то ему коровку попасти.

Отчаялся Пантелей, подумал: «Да уж лучше бы мне в овраге сгнить, чем такая свобода!» И тут же старик на него посмотрел, сказал:

— Вот и выходит, ничего нет дороже свободы!

Встрепенулся Пантелей, поддакнул:

— Верно, верно, отпусти меня, старик!

Старик улыбнулся:

— Иди, не держу.

Пантелей к Наталье чуть не бегом. Только за горку зашёл, вот она и околица Натальиного села! Смотрит Пантелей, а около околицы весёлый теремок с резным крылечком, а на крылечке Наталья стоит. Увидела Пантелея, спустилась к нему, говорит:

— Видишь дом, огород, сад? Выходит, ты мне свой труд принёс. А дорожке труда ничего нет на свете! Труд всему голова! Он и человека растит, и дружбу укрепляет, и свободе помогает!

БЕССТРАШНЫЙ

Жили-были в избушке на весёлой опушке старик со старухой, а помогал им в хозяйстве сынок Ефим. Ни от какой работы он не бегал. Работал за семерых, за троих обедал. Занят был работой от утра до ночи, а вот углядел между прочим, как Пашу из соседнего села тропочка в лес повела.

С того часу и еда для Ефима была не в еду. Крепился-крепился, родителям поклонился, да и к Паше напрямиком, дескать, потолкуем ладком!

А Паша ему укорот, отваживает от ворот, говорит:

— Я жду такого, чтоб мне опорой был, детям — стеной каменной, людям — помощником.

Сел Ефим на лавочку, задумался крепко. Так бы и до сих пор думал, да одна мысль его подтолкнула. Он вскочил — и к Паше:

— Я и есть бесстрашный человек!

— Это. — слова, — покачала головой Паша.

— Будут и дела! — подхватил Ефим. — Дай ты мне на память свой заветный платочек. Трудно мне будет, я на него взгляну, страх прогоню, бесстрашно беде в глаза загляну.

— Знать я тебя не знаю и знать не желаю! — сказала Паша. — Ещё чего доброго и захвастаешь!

Опустил голову Ефим да так и отправился в путь-дорогу. Идёт, а ветер всё сильнее и сильнее его толкает то в спину, то в грудь. Совсем закрутил, а тут и тьма на глаза налезла, дорогу потерял. Ищет, не найдёт, а метель прямо в лицо первую пригоршню колючего снега бросила, чуть глаза не выбила. «Пропаду, — подумал Ефим, — куда идти, где и чего искать?»

Кружил-кружил Ефим, остановился. А метель вовсю разгулялась — кожу снегом дерёт, с ног сваливает.

«А что это мне пропадать? — подумал Ефим. — Или я не человек?» Уж и упал, а всё тропку искал. А нашёл, по ней пополз. Тропинка всегда куда-нибудь приводит. Привела тропинка Ефима в рощу. Метель за сучья зацепилась, тьма за ветки. Метель приостановилась, тьма клочьями на ветках повисла. Сразу в роще светлее стало.

Огляделся Ефим, смотрит, тёлка между деревьев бродит.

Обрадовался Ефим: «Теперь-то я уж от метели уйду! Приведёт меня тёлочка к жилью!» И к тёлке, а тёлка от него.

И не заметил Ефим, как люди его окружили, кричат:

— Вот он, вор! Смотрите, тёлку хотел у Степаниды увести! А у неё и есть всё богатство — эта тёлка!

— Не напрасно ли кричите? — спросил Ефим людей. — Я около тёлки никакого вора и не видел!

— На себя посмотри! Ты и есть вор! — закричали люди и взялись руки Ефиму крутить.

Испугался Ефим, не знает как и быть. Он — и вор! И тут же подумал: «Неужели мне от стыдобаща и пропадать? Неужели я не человек?» И говорит людям:

— Вот оно как, сгоряча-то! А куда меня тёлка вела?

— Ну, в деревню! — заговорили люди.

— Зачем же мне, вору, тёлку в деревню провожать?

— И то правда, — согласились люди. — Выходит, домой она шла.

— И меня к вам вела, — подсказал Ефим. — В метель я попал, заблудился.

— Заблудился! — засмеялись люди. — Вот у нас Федот заблудился так заблудился! Никак из ямы не вылезет!

— Я ему помогу! — сказал Ефим.

— Попробуй, если ты такой бесстрашный! — махнули люди и разошлись по своим делам. А Степанида свою тёлку в сарай загнала.

Пришёл Ефим к яме, глянул, окликнул Федота:

— Чего в четырёх стенках заблудился? Давай я тебе помогу на белый свет выбраться!

— Кто это заблудился? — обозлился Федот, — нашёлся неуч меня поучать, когда мне в моей яме всё видать! И землю, и червяков, и жуков!

— А надо бы тебе поглядеть на поле, на лес, на солнце! — заупрямился Ефим. — А уж о

земле, червяках и жуках и говорить здесь нечего! Давай попытаем, где лучше! Я к тебе, а ты ко мне!

— Ну, давай, — нехотя пробурчал Федот.

Ефим прыгнул в яму, вытолкнул Федота. Тот как глянул на яркий простор, ошалел, кинулся куда глаза глядят.

— Куда же ты? — крикнул Ефим. — А я тут как?

— Как хочешь! — завопил Федот. — Я теперь Федот, да не тот! К яме и калачом не заманишь!

Сел Ефим на дно ямы, голову опустил. И вдруг над ямой Паша наклонилась, говорит:

— Вижу, бесстрашный ты человек, Ефим! Метели не испугался, людской молвы не побоялся, человека из ямы вытащить не погнушался!

Обрадовался Ефим словам Паши и сам не понял, как из ямы выскочил, спросил:

— Как нашла-то?

— Дела твои к тебе привели, — потупилась Паша.

СЕРДЦЕ МАТЕРИ

Уехал Иван в город пути-дороги свои искать, а через какое-то время и весточка от матери его пристигла. А в той весточке чёрным по белому написано: «Остерегайся дружков! Очень уж эти дружки охочи на чужие деньги погулять. И попомни: деньги прогуляешь — гляди, и найдёшь, а жизнь прогуляешь — второй не повстречаешь! А совет мой тебе такой: ищи друзей. Они остерегут, остановят, помогут. А я гляжу, вижу, не друзей взял»

ся привечать, дружков! Не разобрался в людях, горе ты моё!»

— Ну-у,— передёрнул плечами Иван,— углядела! Погоди, вот отпишу, как жиру!

А дружки тут как тут, подлизываются, подмазываются, поддевают:

— Да разве ж ты, милок, телок? Мамочку слушай, да своё кушай! Отродясь было так — первой получке мы хозяева, а ты наш гость!

Самое заглавное — дверь отомкнуть! А там уж пошла дверь хлопать-расхлебываться! Воскресенье — празднику вознесенье, понедельник — вовеки бездельник, вторник — лени угодник, среда — головушке беда, четверг — советам отверг, пятница — воскресенью соратница, суббота — какая же работа? Много там мать понимает! Известно же: человек без дружка, что серёжка без ушка!

А весточки летят и летят. И как-то подумал нечаянно Иван: «А вдруг мама права? Надо бы проверить!» И однажды в упор дружкам:

— А не пора ли вам меня угостить?

И как это сразу-то дружки и оглобли в разные стороны!

А Иван, чтобы скучно не было, к учебникам потянулся. Тут и друзья объявились, говорят:

— Не гнись, как следует за учёбу берись! А мы уж чем можем, тем и поможем!

Потихоньку-полегоньку втянулся Иван в учёбу, да так и совсем забыл матери хоть бы словечко написать!

А мать шлёт весточки да шлёт. И всё об одном: «Не водись с дружками, они тебя не накормят пирожками, а камней в тарелку накладывают да и дальше пойдут!»

Вскоре Иван и морщиться стал, обиделся. Давно уж в мастерах, а всё советует!

А пока суд да дело, у Ивана и седина в волос. Как получил очередную весточку, помчался в деревню, ругается:

— Давно уж инженер, а она всё семью распозоривает! Вот уж я её остерегу!

В деревне на родном крыльце о зыбкую ступеньку споткнулся, в избу камнем влетел. А посередке избы стол накрыт, за столом чужая старушка сидит, завидела Ивана, заголосила:

— Ми-иленький! Явился!

— А где мать? — взъерошился Иван.

— Что мать? Матери давно нет, — говорит старушка, — она приказала тебе долго жить.

— А как же письма? — спросил Иван.

— Да никак, — ответила старушка, — я их тебе по наказу твоей матери посылала. Чтобы ты подольше в бережении жил. Очень уж хотелось ей тебя человеком видеть.

Опустил Иван голову, промолчал. А что ему было говорить?

КАРТИНЫ

Однажды жаворонок взял да и нарисовал утреннюю зарю. Лиса прослышала о таком и нарисовала кучу мусора в своей норе.

И тот и другой взяли да и показали свои картины птицам и зверям.

В лесу такой спор-вздор поднялся, лучше и не заходи!

Птицы кричат:

— Жизнь и есть — утренняя зоря!

Звери кричат:

— Жизнь и есть — гора мусора!

Чем бы спор-вздор закончился, неизвестно,

да ладно в лес залетела летучая мышь. Она оглядела картины, сказала:

— Чего спорить? Каждый видит своё!

РУКИ-РУЧЕНЬКИ

Вырос Иван, зачастил на посиделки. И никого не сторонился. Кто хотел, с тем и танцевал, кто желал, с тем и песни певал, кто приглашал, того и провожал.

А вот заветного словечка никому не говорил.

Девицы улыбались, удивлялись, понравиться старались, а потом и заговорили взахлёб:

— Смотрите, какой этот Ванька привереда! Всех перебрал, а никому заветного словечка не сказал.

Услышала такие пересуды Маша-рукодельница да и пошла на посиделки. Пришла, а Ивана нет как нет! Как так, почему?

— А,— машут нежными ручками невесты,— твой Иван дом резьбой украшает! Да и кому он тут нужен?

«Да это же мой сосед! — подумала Маша.— Попрошу подружку, пусть она Ивана на посиделки пригласит!»

А подружке интересно, она сразу же и к Ивану.

Пришёл Иван на посиделки, смотрит, в сторонке новенькая стоит, поясok на платице тербит. Осмелился, сам пригласил на танец. А за руку взял — обомлел:

— Да у тебя не руки, а рученьки! Работающие, тёплые!

— И у тебя такие же! — засмушалась Маша.

Пригляделся Иван, ахнул:

— Соседушка! Да как же это я тебя проглядел!

Потупилась Маша:

— Да ведь у дома встанешь, разве его увидишь?

НЕПРИМЕТНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Жил да был в одном городке неприметный человек. Никуда он не ходил, ничего нигде не говорил, ни с кем не спорил.

— Подумать только! — возмутились горожане.— Для каких таких дел затесался к нам неприметный человек? Что он может, чем прославляет наш город? Один позор, да и только! Лучше, если бы и духу его у нас не было!

Неприметный человек как жил неприметно, так неприметно и ушёл из города.

Утречком ушёл, а вечером горожане с тревогой смотрели, как их город неудержимо заливают и засыпает грязь.

Только тут горожане и сообразили, что, оказывается, неприметный человек неприметно убирал грязь!

И это была бы их последняя мысль, если бы неприметный человек вдруг не подумал: «А почему я должен уходить из своего города? Кому я не нравлюсь, тот и пусть уходит!»

И, на счастье горожан, вернулся домой.

УМНОМУ ВСЕ ДОРОГИ ОТКРЫТЫ

Вырос Иванушка, простился с родным домом, пошёл свою дорогу искать, дело пытаться, ума-разума набираться.

Шёл, шёл Иванушка, на перекрёсток трёх дорог вышел. Посерёдке камень лежит, на камне надпись: «Налево пойдёшь — веселье найдёшь, направо пойдёшь — отдых найдёшь, прямо пойдёшь — что задумал, то и найдёшь».

«Та-ак, — подумал Ванюша, — счастье искать — не веселиться, не отдыхать, а трудиться да ума искать! Выходит, по прямой дорожке мне идти надо».

Шёл, шёл Иванушка, к полю подошёл. А на поле люди спорят.

— О чём спор? — спросил Иванушка.

— Да вот думаем, — сказали люди, — сеять нам или не сеять? Если посеём, будет урожай или не будет? Если будет урожай, соберём мы его или не соберём? Если соберём, то сохраним его или не сохраним? Если сохраним, сумеем смолотить или не сумеем? Если сумеем, хорошая мука будет или плохая? Если хорошая мука будет, испечём калач или не испечём? Если испечём, будешь ты его пробовать или не будешь?

— Пустая мельница ничего не смелет, — остановил людей Иванушка, — лучше уж я попробую.

Посеял пшеницу, вырастил, собрал, помолол, испёк калач, попробовал, говорит:

— Хороший получился, можно каждому предложить!

— Угадал, — говорят люди, — посеял чего надо, помолол как надобно, испёк чего просили. Да и то: умному все дороги открыты.

Шёл, шёл Иванушка, к речке подошёл. А около речки люди спорят.

— О чём спор? — спросил Иванушка.

— Да вот думаем, — сказали люди, — какую переправу наладить? Если наладим ка-

кую, быстрой она будет или медленной? Если быстрой будет, то на все сезоны или нет? Если на все сезоны она будет, пройдёшь ты по ней или нет?

— Пустая мельница ничего не смелет, — остановил людей Иванушка, — лучше уж я попробую!

Принёс брёвен, напилел досок, перекинул через речку мосток, перильца сделал, прошёлся по мостку, говорит:

— Мост в любую погоду и каждому хорош!

— Угадал, — говорят люди, — построил чего надо, продумал всё как надобно, подарил чего просили. Да и то: умному все дороги открыты.

Шёл, шёл Иванушка, к дому подошёл, попросился переночевать. Хозяева не отказали, за стол посадили. А за столом глава семьи сказал:

— Одна курица у нас на ужин, а как её на всех разделить, ума не приложу. Если поровну поделить, правильно ли это будет или нет? Если правильно, то обидим мы старших или не обидим? Если обидим, то что на это скажут молодые? А может, промолчат да зло затаят?

— Пустая мельница ничего не смелет, — остановил хозяина Иванушка, — уж лучше я попробую!

Взял Иванушка курицу, посмотрел на хозяина с хозяйкой, на двух сыночков да на двух дочек, отрезал голову, подал хозяину, говорит:

— Главе семьи голова как раз!

Отрезал шею, подаёт хозяйке, говорит:

— Где голова, там шея как раз!

Отрезал ножки, отдал сыновьям, говорит:

— Вам из дому уходить, вам ноги как раз!

Отрезал крылышки, отдал дочкам, говорит:

— Улетать вам из дому, свои гнёзда вить, вам крылышки как раз!

Пододвинул к себе тушку, говорит:

— Напомнит мне тушка, что живот надо наживать, добро, значит. Потому и не обесудьте, тушка мне как раз!

— А ведь ты умный, Иванушка! — осмелела младшая дочка. — Кто бы ещё так мог точно поделить! Воистину, умному все дороги открыты!

— Выходит, ты и есть та самая Маша-умница, — улыбнулся Иванушка, — а потому не мне одному, а нам двоим дороги все открыты!

УМЕЙ СЛУШАТЬ

Жил в одной деревушке на горушке старик. Рос около него внук Стёпушка. Дед дни на огороде коротал, а Стёпушка с Аринкой, соседкой, на улице пропадал.

По весне дед огород вскопал, грядки поправил, репу посадил. Всё лето за ней ухаживал, а осенью выросла репа на погляд — крупная, крепкая, сладкая.

Как-то утром пришёл дед на огород, глядь, повывергал кто-то на одной грядке репу. До ночи дед на огороде простоял, а никого не увидал.

— Пойди ты, внучек, на огород, покарауль, — попросил дед. — Кто-то репу у нас взял, а спасибо сказать забыл.

«Дед днём на огороде был, — подумал Стёпушка, — а я ночью пойду. Вот только Аринку домой провожу».

Как ушла Аринка спать, пришёл Стёпушка не в дом на лавочку, а на огород на грядочку. На рассвете глядь-поглядь, а с огорода тугой мешок выпрыгивает. Припустил Стёпушка за мешком, около рожицы еле догнал, да и то тогда, когда мешок остановился.

Подбежал Стёпушка к мешку, зайчонок увидал. Зайчонок платочком пот вытирает, вздыхает. Не выдержал Стёпушка, спросил:

— Как это ты, такой маленький, ухитрился такой громадный мешок нянчить?

— Дедушку жалко, — говорит зайчонок, — он больной и всё репки просит.

— Дедушку всегда жалко, — согласился Стёпушка. — Давай уж я тебе помогу, раз устал. А другой раз прямо к дедушке приходи, он не откажет.

Взялся Стёпушка за мешок, а никак не поднимет! А как подумал, что эдак-то своего дедушку опозорит, дескать, показал, много берут, мешок сразу же сам на плечо и лёг. Так и внёс его в заячью избу.

Услышал с печки дедушка зайчонок рассказ своего внука о Стёпушке, сказал:

— Гляжу, не пожалел ты, Стёпушка, репки. Чего хочешь, то и проси, всё сделаю!

— Попроси лучше у него совета! — шепнул зайчонок. — Не пожалеешь!

— Ничего мне не надо, — сказал Стёпушка. — Если за меня всё сделают, мне-то чего тогда делать? Лучше совет какой дай!

— Совет так совет, хотя молодые и не очень-то любят стариковские советы. Знаешь, первые же слова своего дедушки и прими за совет. А сам скажи, пусть он простит моего внучонка за невежество.

На том и распростился Стёпушка с хозяева-

ми. Пришёл домой, рассказал деду обо всем.

Дед выслушал внука, сказал:

— А знаешь, Стёпушка, самое прекрасное на свете — это когда тебя слышат и ты умеешь слышать!

Прислушался Стёпушка к такому совету, взял да и сделал себе гусли-самогуды. И, как только гусли-самогуды весело заиграли, сразу же прибежала Аринка, в ладоши хлопала, сказала:

— Ой, как хорошо!

А Стёпушка подумал: «Смотри, сразу услышала!»

Весело гусли-самогуды играли, весело время бежало, весело росли Стёпушка и Аринка. Росли-росли и выросли.

Стал Стёпушка деду на огороде помогать, стала Аринка за ворота на дорогу поглядывать: не идёт ли по дороге какой молодец? Бывало, в свободную минутку прибегала к Стёпушке на огород, спрашивала, почему, мол, никто по дороге не идёт?

Как Стёпушке сказать Аринке, что из-за него дорога пустует. Дескать, свой жених есть, чего чужим здесь искать?

А как прослышали чужие женихи, что Аринка жалобится, сразу же эдаких три ухаря расписных и ко двору Аринки. Один домом пряничным соблазняет, другой нарядами прельщает, третий кубышкой позвякивает.

Цветёт Аринка, павой выступает Аринка, так и летает по двору Аринка! И так уж ей хочется перед Стёпушкой похвастать: гляди, милый, с кем ты запросто по улице бегал! Вспоминать всю жизнь с уважением будешь!

Вот уж и до сговора дело дошло. Прельстил Аринку домик-теремок! К дому и наряды при-

дут, в доме и кубышка рублями зазвякает. Аринка было слово жениху, как ударили гусли-самогуды по всем струнам, заплакали, зазвенели жалобно.

Услышала Аринка печаль безысходную, сама запечалилась, сердце сжалось: неужели она никогда не услышит больше весёлой песенки?

Кинулась Аринка к огороду Стёпушки, а женихи переглянулись, поняли, что тут больше им делать нечего, и запылили в дальние дали.

А уж как играли Стёпушкины гусли-самогуды на его и Аринкиной свадьбе, ни в сказке сказать, ни пером описать! Так и выговаривали, так и выговаривали:

— Хочешь, чтобы тебя слышали, умей сам слушать!

А В НАШЕ-ТО ВРЕМЯ!

Как-то вылезли вечером на завалинку дед Ухват и бабка Кочерга. Глянули, а напротив их избушки-развалюшки за день взгромоздился эдакий богатырь-великан, страх взглянуть! Балконы в боки, окошки нараспашку, свысока посматривает на стариков, усмехается всеми подъездами.

— Батюшки светы! — прошамкала бабка Кочерга, — никак мы в город ненароком попали?

— Не мы, а город к нам переехал! — строго уставил рога на великана дед Ухват. — Нынче мода такая — города в деревню являются.

— А могучим выдался этот богатырь! — примирительно прошелестела бабка Кочер-

га:— Смотри-ка, плечи! Смотри-ка, стать! Смотри-ка, рост!

— Чего смотреть-то? — сбычился дед Ухват.— Небось ему и невдомек, что глядит не просто на наш домишко, а на своего пра-родителя! Нынче-то как? Подрастут, отца-мать и не почтут!

А тут из одного подъезда богатыря выпорх-нули две подружки, Сковарочка и Скоро-жарочка. Между собой — хи-хи, ха-ха, а око-ло эдакими щегольками Сковородничек и Дер-жальничек.

Дед Ухват даже рогами закрутил:

— Видала? Видала? Вот они, нынешние! Блеск, легковесь, верткость! А бывало-то, бывало! Вылезет из печи Чугунище, шесток ломится, рога у меня гнутся! Вес-то, вес! Пуды! А теперь, а теперь? Шик-пшик и никакого весу!

— А поиграли бы с горячими углями! — прошептала бабка Кочерга.

И вдруг оба слышали, как Сковородничек сказал:

— А деда Ухвата и бабу Кочергу мы с их домком в музей доставим, чтобы никто не позабыл!

Бабка Кочерга глянула на деда Ухвата, дед Ухват уставился на бабу Кочергу, бряк-нул:

— А в наше-то время!

— А чего в наше время? — пробормотала бабка Кочерга.— В наше время и свои пути-дороги были. Из-за печки в печку, из печки за печку.

— Может, и лучше, когда Сковарочка, а не пудовый Чугунище? — пробубнил дед Ухват.

ЦЕНА ВЕЩИ

Однажды отец и сын купались в реке. Мимо проскользил огромный белый теплоход. Его волны закувыркали неказистую лодчонку рыбака.

— Что по сравнению с теплоходом лодчонка! — Рассудил сын. — Лебедь и воробей!

— Нет вещи дороже или дешевле, — сказал строго отец, — каждая вещь в своей цене.

— Вечно ты оговариваешь! — обиделся сын и поплыл за волной. Да нечаянно в холодную струю угодил, ноги свело. Когда вниз потянуло, испугался сын, закричал: — Помогите!

Отец кинулся к сыну, да где уж ему до него доплыть? К счастью, рыбак был ближе. Он подогнал свою лодчонку к тонущему и доставил к берегу.

Сын отдышался, взглянул на неказистую лодчонку, выдохнул:

— Надо же, такая пустяковая лодчонка, а стоит целой моей жизни!

Отец промолчал.

НЕ МОЖЕТ БЫТЬ!

Подошёл к рыбаку прохожий, поглядывает на котелок, втягивает аромат ухи, спрашивает:

— Ну, как оно, ловилось?

— И не говори! — подхватил рыбак. — Такой рыбалки я отродясь не видал! Прихожу, понимаешь, вот сюда, на речку, а тут набежала тучка, дождик пошёл, да не какой-нибудь, а рыбный!

— Не может быть! — ахнул прохожий.

— Вот и я подумал: «Не может быть!» А сам достал котелок да рыбку-то и в котелок! Набрал в достатке, разложил костерок, повесил котелок, думаю: «Вот бы ещё и пшеница!» Тут набежала тучка и давай пшено сыпать!

— Не может быть! — ахнул прохожий.

— Вот и я подумал: «Не может быть!» А сам нагрёб пшеницы и в котелок! И думаю: «Вот бы ещё и водицы!» Тут набежала тучка и давай воду лить!

— Не может быть! — ахнул прохожий.

— Вот и я подумал: «Не может быть!» А сам набрал воды и в котелок! И думаю: «Вот бы ещё и огонька!» Тут набежала тучка и давай огненный дождик бросать!

— Не может быть! — ахнул прохожий.

— Вот и я подумал: «Не может быть!» А сам угольков набрал и в костерок! Разгорелся огонёк, лучше и не надо! А теперь вот и уха готова.

— Да разве такое может быть? — осел прохожий у костра.

— На белом свете всё может быть! — сказал рыбак. — Лучше бери ложку и попробуй ушницу! Она-то, вот она!

МАСТЕРИЩЕ

Вымахал Гаврюха с хорошую орясину, отправился к соседке Маше, объявил:

— Не хочу учиться, а хочу, Маша, на тебе жениться!

А Маша ему в ответ:

— Столба вот у ворот нет, как же мне ворота распахнуть на наш долгий путь?

— Это что, это мы запросто! — зачванился Гаврюха. — И года не пройдёт, задивуется воротами народ!

Прикатил из леса неохватное бревно, толкует:

— Хорошо ли?

А Маша ему в ответ:

— Хорошо-то хорошо, да бревно ещё не столб.

— Будет тебе столб! — сказал смело Гаврюха.

До ночи пилил-строгал, до утра на печке спал-отдыхал, а утром примерился к своей поделке, пальцами прищёлкнул.

— Оно бы так-то так, да не получается столб никак! А если прикинуть, то непременно выйдет оглобля!

— И оглобля — дело, — согласилась Маша, — будем хозяйство заводить и оглобле место найдём!

— Будет тебе оглобля! — сказал смело Гаврюха.

До ночи пилил-строгал, до утра на печке спал-отдыхал, а утром примерился к своей поделке, пальцами прищёлкнул.

— Оно бы так-то так, да не получается оглобля никак! А если прикинуть, то непременно скалка выйдет!

— И скалка — дело, — согласилась Маша, — будем хозяйство заводить и скалке место найдём!

— Будет тебе скалка! — сказал смело Гаврюха.

До ночи пилил-строгал, до утра на печке спал-отдыхал, а утром примерился к своей поделке, пальцами прищёлкнул.

— Оно бы так-то так, да не получается

скалка никак! А если прикинуть, то непременно выйдет чижик!

— И чижик — дело, — согласилась Маша, — и чижик место найдём!

— Будет тебе чижик! — сказал смело Гаврюха.

До ночи пилил-строгал, до утра на печке спал-отдыхал, а утром примерился к своей поделке, пальцами прищёлкнул.

— Оно бы так-то так, да не получается чижик никак! А если прикинуть, то непременно пуговка выйдет!

— И пуговка — дело, — согласилась Маша, — будем хозяйство заводить и пуговке место найдём!

— Будет тебе пуговка! — сказал смело Гаврюха.

До ночи пилил-строгал, до утра на печке спал-отдыхал, а утром примерился к своей поделке, пальцами прищёлкнул.

— Оно бы так-то так, да не получается пуговка никак! А если прикинуть, то непременно выйдет дырка!

— И дырка — дело, — согласилась Маша, — будешь через неё на мой двор глядеть, сватовство вспоминать.

Поплёлся Гаврюха домой, ругается:

— Ишь, привереда! Столько ей поделок сделал, а она со двора гонит!

ТРИ СОСЕДКИ И АГАФОНЮШКА

Лежит Агафонюшка на лавке, стонет на всю избу, кряхтит на весь двор, причитает на всю улицу. Услыхала мать с огорода причита-

ния, крик, стоны, руками всплеснула:

— Посылала его к трём соседкам судьбу попытать, а он, смотрите, люди добрые, до сих пор избу стонами подпирает, двор криканием закидывает, улицу причитаниями мостит! Уж я его успокою!

Хворостину в руки — и домой. С порога ещё хворостиной замахнулась, а сыночек милый, Агафонюшка, отбивается:

— Ох, побывал!

Мать и хворостину бросила, спрашивает:

— Агафонюшка, сыночек милый, где же ты был-побывал?

— Был я, побывал на речке, где белье полощут.

— Агафонюшка, сыночек милый, кого же ты видел-повидал?

— Видел я, повидал трёх девиц хороших, трёх умниц пригожих. Анюшенька работница-заботница лучше всех!

— Агафонюшка, сыночек милый, они звали-зачывали тебя на беседу?

— Звали они меня, зазывали: Катюша — на минутку, Марьюшка — на часок, Анюшенька удалая — на денёк!

— Агафонюшка, сыночек милый, чем же они тебя пытали-испытывали?

— Пытали они меня, испытывали так: Катюша просила половицу подогнать, Марьюшка просила порог подбить, Анюшенька удалая просила-попросила крыльцо подправить.

— Агафонюшка, сыночек милый, как ты обошёл-рассчитался?

— Обошёлся я, рассчитался как следует: Катюше сказал, мол, у самой руки есть, Марьюшке подсказал, мол, и старым порогом

обойдётся, Анюшеньке удалой указал, мол, я не лошадь и не вол!

— Агафонюшка, сыночек милый, учили-поучивали они тебя уму-разуму?

— Учили они меня, поучивали уму-разуму: Катюша — кочергой, Марьюшка — поленом, Анюшенька удалая вожжами опоясала.

— Агафонюшка, сыночек милый, что же ты им сказал-высказал за науку добрую?

— Сказал я, высказал: Катюше, дескать, кочергу пожалей, недёшево стоит, Марьюшке, дескать, поленья не кидай, а то к зиме прокидаешься, Анюшеньке удалой подсказал, дескать, не рви вожжей, их нынче где найдёшь...

— Агафонюшка, сыночек милый, что они тебе на прощанье-то, на проводы сказали?

— На прощанье мне, на проводы пообещались в другой раз встретить: Катюша — щеколдой, Марьюшка — колом, Анюшенька удалая оглоблей пригрозила.

— Агафонюшка, сыночек милый, лодырь ты расписной! Я-то думала хворостинкой обойтись, а тебя, гляди, и оглобля с лавки не подняла! Лежишь-полёживаешь, бока пролёживаешь, а нет бы встать да дело в руки достать!

БЫЛИНКА, ВЕТЕРОК И ВЕТРИЩЕ

Летним утром подбежал легонько Ветерок к Былинке, ласково обнял, прозрачную песенку запел.

Мимо луга мчался Ветрище. Увидел он Ветерок около Былинки, и обида взяла. Как-так, Былинка с каким-то Ветришкой? Оттолкнул он Ветерок, крутанул Былинку, выдернул, подкинул, крикнул:

— Вот как надо!

Ветерок заплакал. Ветерки, что жили в струях Ветрища, кинулись утешать своего друга. Ветрище потерял силу, свалился около Былинки, прошелестел:

— Кто же знал?

БАКЛАН И СОМ

Прошёлся Баклан по берегу реки, разинул клювище, раскрыл мешище, сказал:

— Был бы Сом другом, подкинул бы какого лещёнка!

Кинул Сом леща. И как раз в мешок.

Баклан постоял, сказал:

— Был бы Сом другом, подкинул бы каких пару лещат!

Кинул Сом двух лещей. И как раз в мешок.

Баклан постоял, сказал:

— Был бы Сом другом, подкинул бы каких трёх лещишек!

Кинул Сом трёх лещей. И как раз в глотку.

Проглотил Баклан лещей, потоптался, сказал:

— Спасибо, хоть трёх-то дал!

— А в мешке ещё сколько? — откликнулся Сом.

— При чём здесь мешок? — возмутился Баклан. — Я-то ведь не мешок! Вздумал попрятать каким-то мешком! А ещё друг!

ПЕТУШОК

На рассвете петушок не успел глаза продрать, ка-ак кукарекнет:

— Ку-ка-ре-ку-у!

Тут и солнышко в окошко.

Курица раскрылилась, прокудахтала:

— Ах, умник! Ах, разумник! И красив пером, и солнышко — в дом!

Приосанился петушок, прокококал:

— На том стою!

ЛИСЫ КАК НЕ БЫВАЛО!

Как-то заяц на лесной дорожке столкнулся с лисой.

— Ой-ё-ёй! — заверещал заяц. — Страшно!

— Глупенький, — ухмыльнулась лиса, — а ты закрой глаза.

Заяц зажмурился, перестал видеть лису и с облегчением вздохнул:

— Лисы как не бывало!

— То-то же! — ласково проговорила лиса и с превеликим удовольствием закусила.

БЕЛКА И СОЛОВЕЙ

Соловей пел в кустах свою песенку, а белка сидела на сосне и досадовала: «Ишь, для всех поёт! А мне достаются только осколки!»

Сбежала вниз, сказала соловью:

— Все слушают, а ни у кого нет догадки предложить тебе отдохнуть и поесть! Пойдём ко мне!

Соловей залетел в дупло, белка загородила вход, спрашивает:

— А правда, у меня дупло сухое?

— Правда, — ответил соловей.

— А правда, у меня дупло тёплое?

— Правда, — ответил соловей.

— А правда, у меня дупло уютное?

— Правда, — ответил соловей.

— Так почему же ты не поёшь?

— А вольная песня воли требует, — сказал соловей.

— А ты пой! — разозлилась белка. — Мне просторно, а ему, видите ли, тесно!

Соловей вздохнул и такой оглушительной трелью засыпал дупло, белка замертво грохнулась на пол. Соловей тут же улетел.

Вскоре белка очнулась, простонала:

— А ещё говорят, в тесноте, да не в обиде!

ГОРШОК МУХ

Как-то сосед соседу подарил горшок мёду. Сосед зачерпнул мёду и вдруг увидел муху.

Подхватил сосед горшок, сунулся к другому соседу, прижалобился:

— Видал? Удружил мне сосед! Подарил горшок мёду с мухой!

Расстроился ещё пуще, побежал к третьему соседу, с порога возмутился:

— Видал? Удружил мне сосед! Подарил горшок мёду с мухами!

Затосковал — дальше некуда, побежал к четвёртому соседу, ворвался, на крик сорвался:

— Видал? Удружил мне сосед! Подарил горшок мух с мёдом!

КОРШУН И ПЕТУХ

Залетел коршун во двор, уцепил курицу за хвост, рванул, да вместо курицы одни перья вознёс. Курица грохнулась на землю, кинулась в курятник к петуху.

Петух послушал курицу, взглянул на здорового коршуна, вздохнул:

— Я бы и поймал коршуна, да у тебя свидетелей нет. Может, ты сама себе перья повыдергала, а на коршуна напраслину несёшь.

Наседка обиделась, кинулась перья из хвоста петуха выдирать.

— Ты чего делаешь? — закукарекал петух.

— Это ты чего делаешь! — закудаhtала курица. — Сам себе перья выдирает, да ещё и кукарекает!

ЗАЯЦ И ДОРОЖКА

Заяц то влево скакнёт, то вправо скидку сделает, а всё не по прямой дорожке.

— Ты чего петляешь? — не вытерпела сорока.

— Да разве я сам петляю? — вздохнул заяц. — Это уж как волк подскажет, куда лиса укажет.

ГАВРЮХА И МОРКОВЬ

Заслышал Гаврюха: если хочешь железного здоровья, ешь без оглядки морковь. В ней железа пруд пруди! Раз так, отчего бы и не так?

Хлебают Гаврюха морковный суп, не нахвалится, жуёт Гаврюха морковные котлеты, не нарадуется, пьёт Гаврюха морковный чай, толкует:

— Вот железа наберусь!

А одну-то морковь изо дня в день есть — и надоест.

Через неделю Гаврюха с трудом одолевает суп и котлеты.

Через две недели с трудом одолевает один суп.

Через три недели уж и с постели не встал, высказался:

— Вот оно, железо! Сколько набрал, и не подниму!

КОМАР И ТЕЛЁНОК

Однажды телёнок, а за ним и комар отправились на лужайку пообедать. Телёнок принялся щипать траву, а комар впился ему в ухо.

— Ты зачем? — сбил телёнок комара хвостом. — Что за шутки?

— Какие шутки! — заныл комар. — Сам-то обедаешь вволю, а мне не даёшь мою долю!

НЕ ВСЯКИЙ СЛОН УМЕН

Пришёл лосёнок на полянку травки пощипать, а здоровенный волк взвыл:

— Куда? Кто разрешил?

Лосёнок был вежливым лосёнком. Он не стал перечить, а пошёл в слоновник к слону.

Слон выслушал лосёнка, окликнул волка, нахмурился:

— Что, зоосад для тебя одного? Почему не дал лосёнку травы пощипать?

— Да побоялся, вдруг лосёнок вытопчет траву, — отговорился волк, — что тогда бы он ел завтра?

— Да-да, — пробурчал слон и серьёзно задумался. А раз он был большим, то и думы у него были большими. Продумал слон до утра

и высказался: — Не по силам лосёнку вытоптать всю траву на полянке!

— А может и так, — согласился волк. — Оно и правда, трава жёсткая, не вытопчешь вдруг, да зато такая трава рот лосёнку издерёт!

— Да-да, — пробурчал слон и серьёзно задумался. А раз он был большим, то и думы у него были большими. Продумал слон до утра и высказался: — Лоси не то что траву, сучки грызут!

— А может и так, — согласился волк. — Оно и правда, лоси сучья грызут, да вот есть ли у лосёнка зубы?

— Да-да, — пробурчал слон и серьёзно задумался. А раз он был большим, то и думы у него были большими. Продумал слон до утра и высказался: — Раз пошёл лосёнок щипать траву, значит, есть у него зубы!

— Оно бы и так, да как проверишь? — задумался волк. — Лосёнка-то уж давно и нет.

Слон нахмурился и ничего не сказал. Пожалел, что ради неблагодарного много времени на думы потерял.

А волк лежал на бережку прудика, отговаривался:

— И хорошо, когда не всякий слон умён!

ЕГОРКА

Егорка вечно капризничал. Всё ему не так, да всё ему не эдак. Купит мать пряник, а он тянет:

— Почему пряник, почему не конфетка?

Принесёт отец молоток, Егорка тянет:

— Почему молоток, почему не клещи?

Поведёт бабушка Егорку гулять в парк, Егорка тянет:

— Почему в парк, почему не во двор?

Перестала мать пряники покупать, перестал отец инструменты приносить, перестала бабушка гулять Егорку водить.

Егорка глядел-глядел на пустые руки матери, заревел:

— Никто меня не любит!

Егорка глядел-глядел на пустые руки отца, заревел:

— Никто меня не любит!

Егорка глядел-глядел на бабушку, заревел:

— Никто меня не любит!

А никто Егорку и не слышит!

Егорка нос повесил, Егорка засопел, Егорка всхлипнул:

— Я больше не буду!

— Вот и хорошо! — сказала мама и принесла Егорке пряник.

— Вот и хорошо! — сказал отец и принёс Егорке молоток.

— Вот и хорошо! — сказала бабушка и повела Егорку в парк.

ДОРОГОЙ МОИ

Заяц Гришка высматривал зайца Тришку, когда тот с огорода шёл, зазывал:

— Триша, дорогой мой! Устал! Заходи, самоварчик я уже поставил!

Заяц Тришка заходил, сумку с морковью на стол выкладывал. Надо же доброго хозяина угостить!

Заяц Гришка управлялся с морковью, хлопал зайца Тришку по плечу:

— Спасибо мне, дружище, скажи! Чайком напоил, сумку освободил! Теперь по холодку да налегке быстренько до дому добежишь!

Прилачился так-то заяц Гришка, не отвадишь. Заходил-заходил заяц Тришка, надоело. Однажды на расторопное приглашение отмахнулся:

— И рад бы зайти, да морковь чаю не пьёт, домой зовёт!

ВО ВСЕ КРУЖКИ

Кузька, не в пример другим прочим, как только пришёл в школу, сразу же записался во все кружки.

Сначала одноклассники ахнули, потом спросили:

— Не много ли?

— Как раз столько, чтобы ничего не делать,— назидательно сказал Кузьма.— Если меня позовут в один кружок, я отговорюсь, что иду в другой!

— Вот жук! — остолбенели одноклассники.— А ещё говорят, знай меру!

А ТЫ ЧЕГО ВОПИШЬ?

Мужик Кузька взял да и от нечего делать наступил кошке на хвост. Кошка завопила, мужик Кузька полюбопытствовал:

— А ты-то чего вопишь? Не тебя, хвост придавил.

Кошка изловчилась и так вцепилась в ногу мужика Кузьки, что он завопил на всю улицу.

Кошка спросила:

— А ты чего вопишь? Не тебя, ногу укусила.

— Ух ты! — вскрикнул мужик Кузька.— Если бы да знать, что кошкин хвост кусается!

ЗАГОРЕЛАСЬ КРЫША

Шёл мужик Кузька вдоль да по деревне, размышлял о том о сём. Глядь, а из трубы одного дома искры летят. Остановился мужик Кузька, интересуется: упадут искры на крышу или их ветром сдует?

Упали искры на крышу, мужик прикидывает: загорится крыша или нет?

Загорелась крыша, мужик Кузька любопытствует: огонь большим будет или нет?

Вспыхнул дом, мужик Кузька взвыл:

— Батюшки! Дом родной горит!

СТАРИК И ВОЛК

Прослышал Волк: завелась у старика скотинка. А раз так, отчего бы на даровщинку и не попользоваться? Заявился под окошечко да и запел:

Старик да старушка
Живут на горушке
В тёплой избушке.
У старика и старушки
За печкой телушка,
А внизу, под печкой,
Три ягнёнка с овечкой!
Старик, отдай ягнёнка,
А то схвачу телёнка!

Старик лежит на печке, думает: «Только начни! Отдам одного — потребует второго, отдам второго — потребует третьего. А там подавай и овечку, и телушку, и старушку! Известно, аппетит во время еды приходит!»

Волк песню спел, можно было бы и закусить ягнёнком, а дверь заперта! Щеколду бы и выбить, а вдруг у старика ружьё?

На вторую ночь Волк появился под окошечко да и запел:

Старик да старушка
Живут на горушке
В тёплой избушке.
У старика и старушки
За печкой телушка,
А внизу, под печкой,
Три ягнёнка с овечкой!
Старик, отдай ягнёнка,
А то схвачу телёнка!

Старик лежит на печке, думает: «Только начни! Отдам одного — потребует второго, отдам второго — потребует третьего. А там подавай и овечку, и телушку, и старушку! Известно, аппетит во время еды приходит!»

Волк песню спел, можно было бы и закусить ягнёнком, а дверь заперта! Щеколду бы и выбить, а вдруг у старика ружьё?

На третью ночь Волк было под окошечко, а дверь-то в сени открыта!

Нырнул Волк в сени, а вынырнул в избе шубой. Уж и ни к чему, а своё тянет:

Старик да старушка
Живут на горушке
В тёплой избушке.
У старика и старушки

За печкой телушка,
А внизу, под печкой,
Три ягнёнка с овечкой!
Старик, отдай ягнёнка,
А то схвачу телёнка!

Старик греется под волчьей шубой, бормочет:

— Пой, пой, и я с тобой!

ЗА ЛАПОТОК — КУРОЧКУ

Пробиралась Лиса морозным вечером в деревню, вздыхала: «Где уж тут в такой морозе курицу достать! На ночь курицы, небось, не в курятнике — под печкой!»

У околицы через сугробец перелезала да и зацепилась меховым сапожком за мёрзлый лапоток. Оглядела лапоток, обрадовалась: «Вот и курочка!»

Сунула лапоток в мешок и в первый же дом — тук-тук!

Вышел хозяин, Лиса просится:

— Пусти меня переночевать!

— Да куда же я тебя? — засомневался хозяин. — Ты к своим хоромам привыкла, а у меня — простота.

А Лиса своё:

— В дороге-то много ли надо? Сама на лавочку, хвостик под лавочку, мешок под печку.

— Ну, ночуй, — вздохнул хозяин, — в заезжей избе всё равно мест нет.

Устроилась Лиса на лавочке, а ночью достала мешок, вынула лапоток да его на улицу подальше, а мешок снова под печку.

Поутру встаёт Лиса — за мешок. Запричитала:

— Пропал мой лапоток! Расклевали курицы! Уж и не знаю, соглашусь ли взять за новенький лапоток тощую курицу!

Хозяин и так и эдак уговаривает Лису не позорить его, взять за пропажу курицу. Лиса отнекивалась, отнекивалась да уж было согласилась, как увидела под печкой гусака! Глаза разгорелись, языком замельтешила:

— Ты, хозяин, просил, я уступила. Теперь ты уступи — сменяй курицу на гусака! Переведаюсь я с ним, спрошу, как это он, такой-сякой, меня осенью долбанул, когда я с гусёнком хотела в салочки поиграть!

Хозяину бы и не отдавать гуся, да ославит Лиса дом, дескать, жадина хозяин.

Отдал Лисе гусака, саму в дверь выпроваживает. А Лиса гусака было в мешок, да раздумалась. Вспомнила: когда ночью выходила лапоток выбрасывать, бляение из овчарни слышала. Даже слёзы на глаза набежали, как о вкусной сочной баранинке подумала. Сразу и встопорщилась:

— Эх, хозяин, ну, хозяин! Взял да и сунул мне какого-то паршивого гуся! Забирай своего гуся, а я за лапоток если чего уж и возьму, так только овечку!

Нахмурился хозяин, говорит:

— Вижу, Лиса, аппетит у тебя разыгрался! Давай мешок, одарю я тебя барашком, хвост крючком.

Принёс набитый мешок, взгромоздил на плечо Лисы, дверь пошире распахнул.

Лисе уж и не до хозяина, поскорее поволокла мешок к лесу. На опушке не выдержала, вздумала барашка погладить.

Развязала мешок, а из мешка — собака.

Опомнилась Лиса уж в самой глухомани, запричитала:

— Ведь сама же говорила: за лапоток — курочку! А я на баранину польстилась.

ТРИ ДЕВИЦЫ

За дальней речкой, в избе на тёплой печке жил да был старик. У него было три сына: Дмитрий, Семён и Василий.

Когда старость пришла, она и болезни к старику привела. Вот так в одночасье старик обезножел, развалился, ослеп. Маялся он, маялся, попросил старшего, Дмитрия, поискать мёртвой, живой и целебной воды.

Собрался Дмитрий, сел на коня, поехал, а по дороге ему в голову вошло: «А чего это я еду какую-то воду искать? Да и найдёшь ли? Нет уж, лучше я женюсь да на свадьбе повеселюсь! А старику свой век заедать не дам!»

Как надумал, так и сделал.

Не дождался старик Дмитрия, просит среднего, Семёна, поискать мёртвой, живой и целебной воды.

Собрался Семён, сел на коня, поехал, а по дороге ему в голову вошло: «А чего это я еду какую-то воду искать? Да и найдёшь ли? Нет уж, лучше я женюсь да на свадьбе повеселюсь! А старику свой век заедать не дам!»

Как надумал, так и сделал.

Не дождался старик Семёна, заплакал, говорит Василию:

— Не вернулись старшие, а тебя я просить не могу, молод ты ещё.

— И не надо просить! — сказал Васи-

лий. — Я и сам хочу силы испытать, братьям помочь, если в беду попали.

Да не на коня сел, пешком пошёл. Так-то поближе к земле будешь, побольше увидишь, получше услышишь. И увидел, и услышал! Узнал: мёртвую воду ему надо искать в медной горе, живую — в серебряной, а целебную — в золотой. А находятся горы за долами, за тремя реками — ледяной, каменной, огненной.

Нашёл Василий кузницу, поклонился кузнецам, попросил сделать ледоруб, камнеруб, огнеруб.

Узнали кузнецы, куда и зачем идёт этот вежливый молодец, отковали ему ледоруб, камнеруб, огнеруб, а от себя стальной посошок подарили, сказали:

— Поможет тебе стальной посошок, добрый человек, двери гор открыть.

Долго, скоро ли шёл, а дошёл Василий до ледяной реки. И как раз тогда, когда железные башмаки износил. До крови руки и ноги сбил, пока дорожку ледорубом поперёк ледяной реки прорубал.

А отдыхать-то когда? Отдыхать — некогда! Дальше пошёл.

Долго, скоро ли шёл, а дошёл Василий до каменной реки. И как раз тогда, когда железную рубаху износил. До крови руки и ноги сбил, пока дорожку камнерубом поперёк каменной реки прорубал.

А отдыхать-то когда? Отдыхать — некогда! Дальше пошёл.

Долго, скоро ли шёл, а дошёл Василий до огненной реки. И как раз тогда, когда железную шапку износил. До крови руки и ноги сбил, пока дорожку огнерубом поперёк огненной реки прорубал.

А отдыхать-то когда? Отдыхать — некогда! Дальше пошёл.

Долго, нет ли шёл, а дошёл до медной горы. Тут и помог ему стальной посошок. Стукнул Василий в медную дверь, она раскрылась, пригласила:

— Доброму человеку — добрый путь!

По медной дорожке дошёл Василий до медного царства. В медном тереме медная девица сидит, медным голосом говорит:

— Добро пожаловать, небывалый гость! Садись, расскажи, куда и зачем идёшь.

— Эх, девица красная! Не кормила, не поила, а уж вопросами задавила! — укорил Василий. — Иль в здешних обычаях гостей обижают?

Повинилась девица, что от радости про вежливость забыла, дала умыться, накормила, напоила, на скамеечку усадила, дождалась рассказа.

Выслушала Василия, подала кувшинчик с мёртвой водой, подала медный шарик, сказала:

— Возьми, добрый человек, подарок от меня. Захочешь ещё раз побывать — покати шарик по шёлковой траве, откроется тебе медное царство!

Сказала, и сразу всё пропало. Стоит Василий у горы, в руках кувшинчик и шарик.

Спрятал Василий подарки в дорожный мешок, к серебряной горе пошёл.

Долго, нет ли шёл, а дошёл до серебряной горы. Тут и помог ему стальной посошок. Стукнул Василий в серебряную дверь, она раскрылась, пригласила:

— Доброму человеку — добрый путь!

По серебряной дорожке дошёл Василий до серебряного царства. В серебряном тереме серебряная девица сидит, серебряным голосом говорит:

— Добро пожаловать, небывалый гость! Садись, расскажи, куда и зачем идёшь.

— Ох, девица красная! Не кормила, не поила, а уж вопросами задавила! — укорил Василий. — Иль в здешних обычаях гостей обижать?

Повинилась девица, что от радости про вежливость забыла, дала умыться, накормила, напоила, на скамеечку усадила, дождалась рассказа.

Выслушала Василия, подала кувшинчик с живой водой, подала серебряный шарик, сказала:

— Возьми, добрый человек, подарок от меня. Захочешь ещё раз побывать — покати шарик по шёлковой траве, откроется тебе серебряное царство!

Сказала, и сразу всё пропало. Стоит Василий у горы, в руках кувшинчик и шарик.

Спрятал Василий подарки в дорожный мешок, к золотой горе пошёл.

Долго, нет ли шёл, а дошёл до золотой горы. Тут и помог ему стальной посошок. Стукнул Василий в золотую дверь, она раскрылась, пригласила:

— Доброму человеку — добрый путь!

По золотой дорожке дошёл Василий до золотого царства. В золотом тереме золотая девица сидит, золотым голосом говорит:

— Добро пожаловать, небывалый гость! Садись, расскажи, куда и зачем идёшь.

— Ох, девица красная! Не кормила, не поила, а уж вопросами задавила! — укорил

Василий. — Иль в здешних обычаях гостей обижать?

Повинилась девица, что от радости про вежливость забыла, дала умыться, накормила, напоила, на скамеечку усадила, дождалась рассказа.

Выслушала Василия, подала кувшинчик с целебной водой, подала золотой шарик, сказала:

— Возьми, добрый человек, подарок от меня. Захочешь ещё раз побывать — покати шарик по шёлковой траве, откроется тебе золотое царство!

Сказала, и сразу всё пропало. Стоит Василий у горы, в руках кувшинчик и шарик.

Тут и подумал Василий: «Сам девиц учил вежливости за то, что они от одиночества кинулись ко мне с вопросами, а не приветили сначала, а сам? А сам даже маленького спасибо не сказал за подарки!»

Вынул он из мешка медный, серебряный и золотой шарики, да все три и кинул на шёлковую траву. Тут же и выросли все три терема — медный, серебряный, золотой. На крылечках девицы стоят, говорят:

— Ты первый, кто нам спасибо за подарки сказал. Одарим и мы тебя!

И подарила медная девица Василию медные сапоги, серебряная девица — серебряную рубаху, золотая девица — золотую шапку.

И опять словно теремов и не бывало!

Подобрал Василий шарики, спрятал, хотел было в путь-дорогу, а неподалёку, словно зорька ясная, девица стоит, говорит:

— Соседка я твоя, Катя. Прослышала, что отца пошёл выручать, помочь надумала. Прилетела за тобой на самолёте.

«Вот какой самый дорогой мне подарок горные девицы преподнесли! — подумал Василий. — Найду ли, чем отплатить?»

Сел вместе с Катей в самолёт, не успел глазом моргнуть — на околице родного села оказался. Вылез из самолёта, а Катя поднялась, крикнула сверху:

— Не сумел меня удержать — поищи теперь!

И улетела.

Вдохнул Василий, собрался — и домой, а у околицы братья с жёнами дорогу загораживают. Всласть повеселились, да и прослезились, когда деньги кончились. К отцу на хлеба подались. Старший, Дмитрий, завеличался, приказывает:

— Эй, младшóй! Накорми нас, напои да скажи: не ты, а мы мёртвую, живую и целебную воду достали!

— Слушать старших надо, — согласился Василий, — да умных-разумных, а не петухов ощипанных! Идите да поищите ума! А наберётесь — может, отец и приветит.

Поглядели братья на Василия, поняли что к чему, мешки дырявые подхватили да с жёнами в другое село подались. Не выдержал Василий, жалко ему стало братьев, попросил он горных девиц помочь братьям, непутёвых на путь истинный направить. Девицы подумали, сказали:

— Ленъ превращает человека в раба своих желаний, а труд — во властелина своей жизни!

Медная девица подарила жёнам братьев по медному тазу, серебряная девица подарила старшему серебряную иголку, золотая девица подарила среднему золотой топорик.

А Василий отца вылечил, спрашивает: — Как мне разгадать Катину загадку?

Подумал отец, говорит:

— Вижу, не против она, если ты сватов к ней пришлешь. Да как ты весёлую свадьбу будешь править, если братьев с жёнами на печаль угнал?

— И вовсе не обидел, — сказал Василий, — а на правильный путь наставил. Попрошу, жёны их сладкие пироги и варенье для свадьбы приготовят, старший всем нам одежду сошьёт, средний дом срубит. Всем известно, стали жёны кондитерами, старший — портным, средний — плотником.

Обрадовался отец, обнял Василия, сказал:

— Добро забывается, но всегда оплачивается потом.

НАУКА — ДЕЛО ТРУДНОЕ

Жили-были старик со старухой. Сколько бы чего ни добыл старик, старуха всё бранилась. То муки мало, пирогов не из чего испечь, то капуста кончилась и потому щей и не жди, то пшено мыши приели, о какой каше разговор?

Работал-работал старик в поле и на огороде, думал-думал о своей доле да и подался на дальнее болото. Нашёл избу Журавля, зашёл, говорит:

— Вот, сынок, рассуди. Работаю-работаю, а всё в доме проруха. И поесть нечего, и старуха бранится!

Журавль ещё журавлёнком в беду попал: орёл крыло повредил, а старик его не обидел, вылечил. А теперь сам старик в беде, как не помочь?

Журавль усадил старика за стол, щами и кашей накормил, чаем угостил, сказал:

— Ладно, помогу тебе, отец. Вот возьми суму и неси её своей старухе. Скажешь: «Двое из сумы, обед приготовьте!» И будет всего вам.

Взял старик суму, домой пришёл, положил суму на стол, говорит старухе:

— Скажешь: «Двое из сумы, обед приготовьте!» И будет всего тебе. А мне надо просо проверить.

Старуха, как старик ушёл, вместо стариковой кинула на стол такую же свою суму, схватила старикову, тут же и отнесла её соседке.

Вечером вернулся старик с поля, сам сел за стол, старуху усадил, сказал:

— Двое из сумы, помогите старухе обед приготовить!

Из сумы — никого. Старуха в слёзы, вопит:

— Целый день твоя сума надо мной измывалась! Целый день я звала твоих двоих! Иди туда, откуда пришёл! И воды холодной тебе не подам!

Нечего делать, пошёл старик опять на дальнее болото. Пришёл к избе Журавля, а войти боится. У крыльца кланяется, говорит:

— Незадача у меня, сынок! Никто из сумы так и не вылез. Вот и суму принёс.

— Знаю, знаю, — вышел на крыльцо Журавль, — прослышал, батюшка, о твоей беде, да, глядишь, помогу твоему горю.

Завёл старика в дом, усадил за стол, накормил щами и кашей, чаем угостил, говорит:

— Вот возьми суму и неси её своей старухе. Скажешь: «Двое из сумы! Одолжите денег!» И будет вам помощь.

Взял старик суму, домой пошёл. Дома суму на стол положил, говорит старухе:

— Скажешь: «Двое из сумы! Одолжите денег!» И будет нам помощь. А я пока на огород схожу, капусту полью.

Старуха, как старик ушёл, вместо стариковой кинула на стол такую же свою суму, схватила старикову, тут же и отнесла её соседке.

Вечером вернулся старик с огорода, сам сел за стол, старуху усадил, сказал:

— Двое из сумы! Одолжите денег!

А из сумы — никого. Старуха в слёзы, вопит:

— Целый день твоя сума надо мной измывалась! Целый день я звала твоих двоих! Иди туда, откуда пришёл! И холодной воды тебе не подам!

Нечего делать, пошёл старик опять на дальнее болото. Увидел избу Журавля, а даже и к воротам подойти боится. Издалека кланяется, говорит:

— Незадача у меня, сынок! Никто из сумы так и не вылез. Вот и суму принёс.

— Знаю, знаю, — вышел на крыльцо Журавль. — Прослышал я, батюшка, о твоей беде, да, глядишь, помогу твоему горю.

Завёл старика в дом, усадил за стол, щами и кашей накормил, чаем угостил, говорит:

— Вот возьми суму и неси её своей старухе. Скажешь: «Двое из сумы, дайте ума!» А там уж смотри, как тебе поступать.

Взял старик суму, домой пришёл, положил суму на стол, говорит старухе:

— Скажешь: «Двое из сумы, дайте ума!» А я в баньку пока схожу, притомился-про-

пылился, когда в поле, на огород, на болото ходил.

Старуха, как старик ушёл, вместо стариковой кинула на стол такую же свою суму, схватила старикову и кинулась в дом соседки.

Банька стояла на огороде, как раз позади дома соседки. Парится старик от души, нахлёстывает себя берёзовым веником от воли и вдруг слышит, в доме соседки его старуха истошно вопит, соседка взхлёб криком исходит, сынок его быком ревёт, сноха — дочка соседки зайчихой верещит.

«Батюшки! — охнул старик. — Что там такое приключилось?»

Схватился, подхватился, и к соседке. А там двое из сумы похаживают, дубинками всех оглаживают, приговаривают: «А ну, кладите две другие сумы на стол, а то и не сносить головы!»

Завидела старуха старика, запричитала:

— Возьми в сундуке свои сумы, отпусти!

Старик забрал сумы, приказал:

— Двое, в суму!

Двое спрятались, а старик подхватил сумы, отнёс Журавлю, низко поклонился, сказал:

— Поднабрался я ума! Спасибо за науку. Теперь уж знаю, где моя беда!

Вернулся домой, старуху укорил:

— Сына со снохой тебе бы не кормить, а делу учить! Вырастила захребетников!

— А сам-то где был? — не удержалась старуха.

— И я там же был, — покаялся старик. — Доверил, а не проверил. Теперь, как за стол

сажать, так сразу и работу проверять. Известно ведь: сначала потрудись, а потом и за стол садись!

СИНИЧКА-НЕВЕЛИЧКА

Синичку-невеличку
С первым холодком
Кинуло к окошку
Синим вечерком.
Синичка-невеличка
Тихо постучала,
Синичка-невеличка
Вежливо сказала:
— Ты выгляни, Анюта,
Из тёплого уюта!
Посмотри, как зябко
И как мёрзнут лапки!
В комнату, Анюта,
Ппустила б на минуту!
Лапки б я согрела,
Песенку бы спела!

Услышала Анюта,
Ппустила на минуту,
Ппустила невеличку,
Ппустила синь-синичку!
Подружки рядом сели
И песенку запели.

Потом через минутку
В окошко посмотрели,
А зимние денёчки
Снежинкой улетели!
Синичка-невеличка,
Когда в лес улетала,

От души подружке
Вежливо сказала:
— Спасибо, Анюта,
За твою минуту!

ЗЕМЛЯНИКА

Стоит девица,
Собой гордится,
Сама, как весна,—
Весела, красна!
К себе не просит,
Обид не сносит.
Ох, земляника,
Мала, а велика!
Кто ни пройдёт,
Поклон отдаёт!

ГУСЕНИЦА

Шла берёзкой гусеница,
Делу тёмному сестрица.
Шла да шла, шла да шла,
Щёлку узкую нашла.
Ах, не надо и просить!
Враз полезла закусить,
Соку сладкого глотнуть
И немножко отдохнуть.
Вот снаружи только хвост,
Да и скворушка не прост!
Заглянул он за сучок,
Клюнул ловко и — молчок!

Разговор короткий здесь:
Не просили — и не лезь!

ДОЖДИК

Дождик, дождик, пуще,
Дождик, дождик, гуще!
Дождик, дождик, поливай,
Дождик, дождик, меру знай!
Что ж ты в городе так льёшь —
Ни проедешь, ни пройдёшь!
В огороде бы на воле,
Ты в саду бы да на поле
Слово доброе сказал,
Урожай нам поливал!
А вот шаркать тротуаром —
Только силу тратить даром:
Звону много и воды,
А ни крошечки еды!

УМНЫЙ КОМАР

Комар ехал на возу,
Вёз невесту — стрекозу.
Зацепился за пенёк,
Провозился весь денёк.
Уж домой давно пора —
Дождик льёт, как из ведра.
А комар у колеса
Вытворяет чудеса:
В щепки спицы расколол,
Подобрал потолще кол,
Сбил железный ободок,
К дятлу в кузню отволол.
Плачет-стонет стрекоза,
На неё комар глаза
Пялит-пялит, говорит:
— Что за слёзы, что за вид!
Что ты дождик-то пугаешь
И слезами обливаешь!

Ты поверь мне, точно в сроки
Повезут наш воз сороки,
И доедем, не грешу,
Мы к родному шалашу!
Потому, как говорится,
Дело мастера боится!
Пусть и дождик нанесло,
А поедет колесо!
И за вожжи, и за кнут,
А сороки не везут:
От горючих, тяжких слёз
Развалился напрочь воз.

ЕЖИШКА ИЩЕТ СЕСТРЕНКУ

Заяц бегал по болоту,
Всё искал себе работу.
Прыгал, топал, не нашёл,
Заревел, домой пошёл.
До калитки не добрёл,
На лисицын двор забрёл.
Лисы лисьи шапки шьют,
Зайцу шапку не дают.
Что тут делать, как тут быть?
Заяц шапку взялся шить!
А пока кроил-тачал,
Эту сказку рассказал.

На седьмой опушке, за седьмой дорожкой,
у седьмой берёзки, как раз у седьмого ручей-
ка, в избушке-землянушке жили-были старик
Еж и старуха Ежиха. Росла у них дочка
Ежишечка. Росла-росла и пропала.

Семь дней Еж и Ежиха свою дочку искали,
семь дней Еж и Ежиха переживали, семь дней
Еж и Ежиха горькие слёзы проливали.

На восьмой день соседка Ворона сказала:

— Раз уж пропала дочка, так уж пропала. Чего же понапрасну слёзы лить? Или вы забыли, что за седьмой полянкой на своём огороде Аист выращивает отличную капусту?

— И не зря он её выращивает! — застрекотала соседка Сорока. — Известно, в капусте он находит прекрасных детишек! А вдруг там скучает и плачет Ежонок-мальчонок? Я бы уж не затруднилась, передала бы Аисту от вас весточку!

Поглядели Еж и Ежиха друг на друга, повздыхали и в один голос Сороке сказали:

— Кланяемся тебе, Сорокушка! Не обессудь, что затрудняем! Если бы ты подсказала Аисту, что осиротела давно уж у нас люлька!

Очень понравилось Сороке такое вежливое обращение. Приказала она сорочатам не баловать да и кинулась за седьмую полянку, на огород к аисту.

А в дороге-то и опаматовалась. Забыла спросить у Ежа и Ежихи, кого же им надо! Дочку или сыночка? Вздыхала-вздыхала сорока, думала-думала, придумала: «А какая разница?» С тем и прибыла к Аисту.

Аист сразу же Сороку за стол, засуетился, самоварчик вздул, пригорюнился:

— Редкая гостыюшка, редкая гостыюшка! Нынче-то не больно охочи на детишек!

— Да вот, Еж и Ежиха просят, низко тебе кланяются. Уж и без выбора, кого принесёшь!

— Знаю, знаю! — вспомнил Аист. — У них всего-то и есть, что одна дочка! Молодцы, что обо мне вспомнили! Не обижу! Пускай ждут!

Сорока на всякий случай промолчала, что у Ежа и Ежихи дочка пропала, раскланялась, поблагодарила за хлеб-соль да скорее к своим

сорочатам. Пока в дороге была, сердце изболелось. Уж и каялась, что за поручение взялась. А когда прилетела да увидела крепеньких весёлых сорочат, с благодарностью посмотрела на соседку Сойку, вечную сторожиху, да принялась сорочатам кашку варить с приговорочкой весёлой:

А я, сорока,
А я, белобока,
Кашку варила,
Деток кормила!
Деток кормила,
Деткам говорила:
Этому в мисочке —
Он дрова рубил,
Этому в тарелочке —
Воду он носил,
Этому в блюдечке —
Он печку разжигал,
Этому на ложечке —
В люльке он лежал,
А этому поскребышки,
За то, что крепко спал!
В другой раз не спи,
Кашку с нами вари!

Увлеклась Сорока и про стариков забыла. А они сидят на завалинке, пригорюнились, разговор, как клубок ниток, разматывают.

— Если уж Аист и принесёт нам кого, — говорит Еж, — не станем говорить, что у нас дочка была, да пропала!

— Да почему же и не сказать? — вздохнула Ежиха. — Наше горе поймёт, нас пожалеет, обижать не будет баловством-озорством!

— Жила-жила и дожила! — закричал Еж. — Где это видно, чтоб детки не балова-

лись, не озоровали! Вот потому и боюсь: услышит про сестру да пойдёт искать! Пойдёт и пропадёт!

— Ох, беда! Ох, беда! — запричитала Ежиха. — Что ж нам делать, как нам быть, как нам горюшко избыть!

— Помолчи, старуха! Слышишь? — вдруг одёрнул Еж Ежиху.

Оба замолчали и в тишине услышали из дома ясный голосок:

— Куда же я попал? Никого нет!

А на голосок отвечают:

— Чир-рик! Как никого нет? А я! Чиррик! Кто тебе песенку напевает, кто твою зыбку качает?

— Батюшки! — ахнула Ежиха. — Аист прилетал, а мы и не видели!

— Вечно ты пустяки говоришь! — соскочил Ёж с завалинки. — А я вот видал, как он к нашему дому подлетал!

И оба на крылечко, и оба в дом! Смотрят, а в зыбке лежит-полёживается Ежонок-мальчонок, а зыбку качает воробышка Чиррик. Завидел он старика и старуху, отчирикал:

— А вы не слыхали, как Сорока кашку варила, деток кормила? Я вот слыхал, я как раз в гнезде сидел. Песенку-то услышал и полетел к Сороке, да почему-то крылышки меня не подняли, и попал я прямо к вам в дом!

Чиррик промолчал, что его Аист подхватил да и остороженько на зыбку посадил. А Ёж сразу же напустился на Ежиху:

— Или не слышала, что гость говорит? Растопляй печку, вари кашку, кашку манненькую, кашку сладенькую!

— И сама знаю! — загремела Ежиха ухватами, чугунами, кочергой. — Лучше бы

сходил да дров нарубил! Иль не видишь, Аист богатыря нам принёс! А богатыря по-богатырски и кормить надо! А раз так, каши много понадобится!

Ничего не сказал Еж, а сразу же и пошёл дрова рубить.

— Что ж, давай дружить, — сказал Ежонк-мальчонок, — раз уж мы вместе!

— Давай! — обрадовался Чиррик. — Давай, Ежишка!

— Ага, ты даже и имя мне придумал! Молодец, Чиррик! — обрадовался Ежишка, — теперь уж мы с тобой поиграем!

— Поиграем, — вздохнул Чиррик, — да весело ли тебе будет, если ты играешь, а твоя сестрёнка пропала! И уж я знаю, выманила её из дома лиса Патрикеевна! Это мне сам отец сказал!

— Как сестра? — выдохнул Ежишка и так от гнева отяжелел, что и зыбку оборвал, кинулся на кухню, грозно закричал: — Почему мне не сказали о моей сестре? Вот так встретили! Вот так приветили!

— Что ты, сыночек! — всполошилась Ежиха. — Мы хотели рассказать о сестрёнке тогда, когда ты каши много съешь!

— Ну, чего ты со своей кашей? — крикнул Еж. — Раз уж сынок узнал о своей сестре, надо сказать все, как было! А было так: пошла твоя сестра по грибы и больше не вернулась! Искали мы, искали, да искать перестали. А тебе говорить не хотели. Пойдёшь искать, а вдруг и с тобой приключится беда?

Но Ежишка и Чиррик стали готовиться к походу. Ежиха их собирает, Еж рассуждает:

— Надо бы не забывать почаще оглядываться и вспоминать о доме. Уж одна мысль, что в случае чего тебе всегда помогут, делает каждого смелым и умелым!

А Ежишке и Чиррику не до рассуждений Ежа. Они вдруг обнаружили, что не знают, по какой дороге идти! А по неизвестной дороге пойдёшь — неизвестно чего и найдёшь! А Ежишке надо было найти сестрёнку!

Чиррик тут же разнёс печальную весть по соседям. На совет явились Сорока, Ворона, Сойка.

Сорока тут же на весь лес застрекотала:

— А я знаю! А я знаю! Я кашку варила, я деток кормила, да всё оглядывалась, всё оглядывалась и отлично помню, как рыжий хвост Патрикеевны прямо на восход солнышка мелькнул, а издали кто-то кричал:

Несёт меня лиса
За тёмные леса!

Я тут же и подумала, что это насмешник скворец кого-то передразнивает, и потому осталась дома. Но вот что рыжий хвост мелькнул прямо на восток, это уж навсегда врезалось в память!

— Тут чего-то не того! — нахмурилась Ворона. — Я так видела, как рыжий хвост мелькнул на закат солнышка! И не припевку петуха слышала, да будет это известно Сороке, а противный писк разбойницы мыши! Она так и верещала:

Напущу грозу,
Всех загрызу!

И я тогда ещё сказала:

Мели, Емеля,
Твоя Неделя!

— Мои соседushки, — сказала Сойка, — замечательные соседushки! Толково они тут своими воспоминаниями делились, друг дружке дивились! А я так скажу: надо всегда идти по прямой дороге! Только прямая дорога выведет куда надо! Поняли?

— Пойдём по прямой дороге! — загорелся Ежишка. — Вот она, перед нами! Вперёд!

Шли-шли Ежишка и Чиррик, Ежишка остановился передохнуть, невесело сказал:

— Что-то уж больно гладкая у нас дорога! А когда всё гладко, оно бы и сладко, да получается, никто о нас не думает. Ни враги, ни друзья. Врагам не мешаем, друзей не интересуем!

— А позвольте вас спросить: куда это вы идёте? — остановил Дятел на минутку свою работу.

— Ищем подворье Патрикеевны! — чиркнул Чиррик.

— А-а, — сказал Дятел и уж взялся было за работу, да поинтересовался: — А зачем идёте-то? За лисьими шапками, что ли?

— Какие тут лисьи шапки! — опустил голову Ежишка. — Ищем мы мою сестрёнку. Говорят, Патрикеевна украла её на забаву своему сыночку Острозубу!

— Вот как! — встрепнулся Дятел. — Так бы сразу и сказали! А то идут молчком, одни иголки торчком! Идите прямо и прямо, а я вслед буду, вот долечу берёзку!

Дятел сердито застучал по стволу, а Чиррик посмотрел на него, вздохнул:

— И не мешали никому, а попало!

— И поделом! — отрезал Ежишка. — Быть в сторонке, как пустой солонке: и есть, а только мешает!

И не успел договорить последних слов, как исчез в яме, вырытой посредине тропинки. Ладно Чиррик вовремя успел вспорхнуть на ближайший сучок рябинки. Опамятовался, глянул в чёрную яму, не стал долго рассуждать что да почему, а помчался скорее к Дятлу. «Вот когда крылышки-тогодились!» — похвалил он самого себя.

А Ежишка свалился в яму, выставил иголки, огляделся и увидел Крота. Хотел было спросить его, что за шутки, как Крот злобно сказал:

— Так вот ты какой есть, мой враг! Ну, сейчас я тебя тут и зарю! Навсегда!

— погоди, Крот, — опешил Ежишка, — за что же ты мне присудил лютую казнь?

— Ишь, прикидывается! А кто моего Кротёнка иголками проткнул да умыкнул? Кто? Не ты ли? А кто, как мне и говорили, пришёл и меня иголками протыкать? Или, скажешь, у тебя нет иголок?

— Нет, не скажу, — вздохнул Ежишка, — это правда, есть у меня иголки. Только я своими иголками пока ещё никого не протыкал! Один Чиррик ухитряется на них сидеть!

— А-а, это тот самый, который выклевал глазки моему Кротёнку!

— Да ты что! — закричал Ежишка. — Как ты смеешь так говорить о моем друге! На меня напраслину возвёл, ладно, а о моём друге ты даже и думать так не смей!

— Смею или не смею, посмотрим! —

озлился Крот, и на Ежишку сразу же посыпались тяжёлые комья земли.

Что там и говорить! Крот — мастер своего дела! И минуты не прошло, как оглушённый Ежишка был засыпан землёй, а Крот высунулся наружу, чтобы охладить на ветерке свой горячий нос.

И как раз в это время подлетели к нему Дятел и Чиррик. Дятел спросил:

— Крот, ты случайно не видел здесь Ежишку?

— А чего мне на него глядеть? — буркнул Крот.

— А это не простой Ежишка, — вздохнул Дятел. — Он ищет подворье Патрикеевны. Она украла у него сестрёнку.

— А мне какое дело? — обозлился Крот.

— Большое! — усмехнулся Дятел. — Эта самая Патрикеевна — та Патрикеевна!

— Какая та?

— Это она утащила твоего Кротёнка, а всё свалила на Ежишку!

— Моего Кротёнка? — засопел Крот. — Моего Кротёнка?

И не успели Дятел и Чиррик опомниться, как перед ними лежал Ежишка, а Крот исчез под землёй.

— Стыдно стало! — покачал головой Дятел. — Доверился плутовке, а невинного наказал! Так-то оно у нас: плуту — внимание, а честному — наказание!

А Чиррик щекотал-щекотал нос Ежишки и с удовольствием дождался, когда Ежишка вздохнул.

— Спасли! — весело чирикнул Чиррик. — Вот она где, сила дружбы! Настоящей дружбы!

— Ты это о чём? — удивился Ежиш-

ка и огляделся. — О какой дружбе речь?

— О нашей дружбе! — расчирикался Чиррик. — О нашей! Я слетал вот за Дятлом, а Дятел объяснил Кроту всё как следует!

— Замечательно! — отфыркнулся Ежишка. — Мы с тобой точно на правильной дороге! Раз враг начал действовать, пузыри пускать, значит, мы с тобой умники! Пойдём дальше! А тебе, Дятел, спасибо за помощь и науку! Теперь мы всякому встречному и поперечному будем говорить, куда и зачем идём!

— Не возражаю, — согласился Дятел, — только ты уж не каждому там встречному-поперечному, а с оглядкой!

— Сделаем! — чирикнул Чиррик и тут же вскричал: — Ты видел?

— Что-что я должен был видеть? — всполошился Ежишка.

Чиррик залетел за осинку, вернулся к Ежишке, сказал:

— Наверное, мне показалось!

Зацепился за одну из Ежишкиных колючек, подумал: «И что это мне всё чудится длинный рыжий ус?»

Тропинка бежала-бежала по перелесочку да и выбежала к ручью, побежала рядом. А по ней прыгает Дрозд и припевает:

Скок-скок-поскок,
Скок-скок, Дроздок,
По водичку пошёл,
А Ежишку нашёл!

— А ты откуда знаешь, что я Ежишка? — спросил Ежишка.

— Так ты и есть Ежишка? — подскочил Дрозд. — Лучше и не надо!

И заковылял, и заковылял к кустам, и подмигивает, и крылом машет, подзывает Ежишку к себе, подзывает!

И некому остановить! Чиррик остался у ручья. Пить захотел. Шли долго, да и переволновался, пока с Кротом разговаривали.

А Дрозд хромал-хромал да и на дуб вспорхнул. Ежишка хотел было спросить Дрозда, в чём дело, как из кустов высунулась серая морда с пастью, утыканной корявыми зубьями, и тощий Волчина еле-еле проговорил:

— Ты! Какое имеешь право ходить по моей тропинке и кидать мне в нос пыль? А? И о здоровье не спрошу, а враз перекушу, если не будешь мне каждый день мышей таскать в достатке!

Ежишка хотел было отбежать от куста и не смог! Дрозд сумел его к петле подвести, а Волчина тут же и стянул петлю вокруг ноги!

— Удрать хотел? — оскалился Волчина. — Не выйдет! До самой своей смерти мышей ловить мне будешь!

— Мне некогда! — вспыхнул Ежишка.

— А мне есть охота, — сморщился Волчина.

— А чего же сам-то? — раздосадовался Ежишка, что так неловко попался в простенькую ловушку.

— А я ленюсь! — хрипнул Волчина. — Да и то! Зачем мне самому бегать за мышами, когда ты у меня есть!

Чиррик увидел серую беду и сразу же к Дрозду.

— Да как ты мог так поступить с моим другом? — накинулся он на Дрозда. — Я гляжу, совести у тебя нет!

— Может, и нет, — угрюмо отговорился Дрозд, — да кто тогда спасёт моих птенцов, если я за них не заступлюсь!

— А при чём здесь твои птенцы? — удивился Чиррик. — Гнездо, я гляжу, крепкое, сук здоровенный, а уж про дуб и говорить нечего!

— Ничего не знаешь, а говоришь! — сказал Дрозд. — Патрикеевна обещала спилить дуб, съесть моих птенцов, если я Ежишку Волчине-лентяю не отдам!

— Патрикеевна обещала дуб спилить? — призадумался Чиррик.

— Обещала!

— Обещала птенцов съесть?

— Я же говорил!

— Всё правильно! — засмеялся Чиррик. — Одного тебе Патрикеевна не сказала, что она тебе старую-престарую сказочку рассказала! Давай зови её, и пусть она пилит дуб!

— А если спилит? — испугался Дрозд.

— А чего ты боишься? Пусть пилит. Только вот чем она пилить-то будет? А?

— И лететь, и говорить?

— И лети, и говори! — приказал Чиррик.

Дрозд сорвался с дуба и помчался искать Патрикеевну.

Скоро, нет ли, возвратился Дрозд, отдышался, сказал:

— Патрикеевна сказала, что ей некогда да и пилу она у лесника забыла.

— А я что говорил? — прищурился Чиррик. — Давай теперь помогай Ежишку из рабства освобождать!

— А вдруг Патрикеевна и правда пилу у лесника забыла? — засомневался Дрозд.

— А она тебя спросила о Ежишке?

— Нет!

— Вот видишь, даже и не спросила, исполнил ты её приказ или нет! Выходит, поняла она: знаешь ты о сказке!

— Боязно,— сжался Дрозд.— Да уж ладно! Скажу по секрету — у Волчины гнилая верёвка. От козы ещё осталась. Давно-давно здесь у ручья одна девчонка козу пасла.

Чиррик слетел к кусту и за спиной Волчины принялся клювом теревить верёвку. Оно как? Терпенье да труд любую верёвку перетрут! Целую ночь трудился Чиррик, а к утру верёвку он растрепал, подлетел к Ежишке и шепнул, что пока Волчина спит, им надо уйти как можно дальше!

Когда уж они подошли к ручью, Чиррик пристроился было на колючках Ежишки, как вдруг на другой стороне ручья, в зарослях, мелькнул длинный рыжий ус.

— Ты видел? — крикнул Чиррик.

— Что-что я должен был видеть? — всполошился Ежишка.

Чиррик слетал к зарослям, вернулся к Ежишке, сказал:

— Наверное, мне показалось!

На этот раз Чиррику было совсем не по себе. Никак из головы не выходил рыжий ус. И каждый раз, когда он появлялся, приходила беда!

«И как же это я раньше об этом не подумал? — раздосадовался Чиррик.— Поистине мы все умники, когда и делать-то уж нечего! Ну да ладно, на нынешний день я посмотрю-присмотрюсь, что этот проклятый Рыжеус задумал!»

Чиррик сорвался с Ежишкиной иголки и

вспорхнул над тропкой. Он совсем и не знал, что Дятел и Дрозд повстречались, потолковали и поняли, что дело Ежишки не только дело Ежишки, но это дело касается и их. Оно как? Зло и само вылезет, проси не проси, а вот добро без помощи не сумеет зло одолеть!

Вот и не знал Чиррик, что Дятел и Дрозд сговорились и за ними в путь-дорогу пустились!

Если бы знать!

Чиррик пролетел над пнём около тропки раз, пролетел другой и почувствовал, что его что-то тянет и тянет к пню! Посмотрел раз, посмотрел другой и никак не поймет, что вокруг пня поблескивает. Грузди, что ли? Спустился пониже, гадает. А в это время на тропинке показался Ежишка. И тут же среди отблесков высунулась треугольная голова Гадюки, высунулся длинный язык, Гадюка прошипела:

— Вот он, извечный враг змеиного рода! На этот раз он получит своё!

«Вот подарочек Рыжеуса! — понял Чиррик.— Неожиданное нападение — и с Ежишкой будет покончено! А он уже рядом! А я не успею его предупредить! Нет, не дам своего друга в обиду!»

— Ты сюда посмотри! — крикнул Чиррик изо всех сил.— Сюда!

И бесстрашно кинулся на Гадюку. Гадюка от неожиданности дёрнулась и вскинула голову к Чиррику.

Ядовитые зубы прокусили крыло, и Чиррик комочком упал около пня, в траву. И то ли трава прошелестела, то ли Чиррик выдохнул, но бабочка услышала:

Я бояться не привык!

Услышал эти слова и Ежишка. Не раз Чиррик распевал свою озорную песенку:

Чик-чирик! Чик-чирик,
Я бояться не привык!
Попадись собака —
Выщиплю ей баки!
Попадись корова —
Ну и будь здорова!

«Вот и озорник! — подумал с уважением Ежишка. — Вот тебе и озорник!» И выставил иголки навстречу Гадюке.

Гадюка на этот раз накололась и прошипела:

— Ничего, ничего, я постараюсь! Я сумею!

И принялась ловко подскакивать и прыгать вокруг Ежишки. Он еле успевал увертываться и караулил ту секунду, когда можно будет схватить Гадюку за шиворот. И тогда, когда уж и силы были на исходе, на Гадюку налетели Дятел и Дрозд! Дятел долбанул в затылок, Дрозд клюнул в хвост. Гадюка растерялась, и в этот момент Ежишка схватил её за шею.

Гадюка ударила несколько раз хвостом о землю, совсем ослабла, прошептала:

— Пропал мой род!

— Почему пропал? — отпустил Ежишка Гадюку. — Не пропал! Мой удар тебе в науку! Никогда первой не нападала и не нападай! Поняла?

— Поняла, — прошептала Гадюка, — чего ты ещё хочешь от меня?

— А ничего! Убирайся и не попадайся! Лучше тебе со мной в дружбе жить да врагов-

мышей ловить! Знаешь ведь, мыши корни деревьев грызут, мыши кору с деревьев сдирают! Расплодятся — родной лес пропадёт!

Гадюка никак не верила в спасение до тех пор, пока не уползла за пень. Оттуда крикнула:

— Спасибо! Если надо будет, я всегда дам тебе лекарства! Яд мой не только убивает, а и лечит!

— Ладно, ладно, — горестно сказал Ежишка и подумал: «А вот Чиррика не возвратишь!»

Дятел и Дрозд подметили печаль Ежишки, в один голос сказали:

— Был у тебя один друг, теперь их у тебя двое!

— Спасибо, — вздохнул Ежишка, — мне спасибо сейчас сказали, и я вам говорю спасибо! В конце концов должно побеждать не зло, а добро! И врага можно убедить в правде жизни! А теперь вперёд!!

Ежишка огляделся и вдруг заметил, как за пнём мелькнул длинный рыжий ус.

— Вы видели? — крикнул Ежишка.

— Что-что мы должны были видеть? — всполошились Дятел и Дрозд.

Ежишка обошёл пень, вышел на тропинку, сказал:

— Наверное, мне показалось! — И тут же подумал: «Не рыжий ли ус видел Чиррик? И каждый раз — да-да — с нами происходили всякие случаи! Вот почему он полетел вперёд и встретился с Гадюкой! Надо быть настороже!»

— Берегись! — крикнул внезапно Дрозд. Дятел вцепился в ствол берёзы, нахло-

нённый в сторону поворота. Ежишка вслед за тропинкой повернул и оказался перед водой, куда он чуть не угодил. А у распахнутых ворот вытянулась Патрикеевна. Длинный её рыжий ус вздрагивал и нацеливался на Ежишку.

— Что ж ты остановился! — выдохнула Патрикеевна. — Искупайся! В гости надо чистым приходиться, а ты, пока шёл, весь пропылился!

— Да ты просто умница! — вскричал Ежишка. — Одному сказки рассказываешь, другого дурачишь! А я ведь прекрасно знаю, как моего самонадеянного предка твоя прабабка в речке искупала! Искупала да в свой живот проводила! Тебе бы знать: у каждого часа свои минуты!

— Ученый, как я вижу! — искривилась Патрикеевна и придвинула поближе к воротам хвост. — Интересно, где же тебя обучали?

— Ты же и обучала! — фыркнул Ежишка. — Да сама-то недоучка.

— Посмотрим! — взмахнула хвостом Патрикеевна, но тут же завизжала от боли, поджала хвост, взбежала на крыльцо.

— Так-то надо привечать гостей! — довольно сказал Дятел. Это он долбанул хвост Патрикеевны в самый кончик.

Вместе с Дроздом он подхватил Ежишку и перенёс его через канаву во двор Патрикеевны.

В самый разгар спора-разговора, когда Патрикеевна не чаяла, от кого бы поскорее избавиться — от Дрозда, Дятла или Ежишки, из недалёкого малинника вдруг раздался медвежий рёв:

— Что за шум? Кто мне мешает подремать?

Патрикеевна уже успела насолить медведю — утянула у него бочонок мёда, и потому ей совсем не показалось, что медведь самолично явится на подворье разбираться что к чему. Поэтому она после очередного удара Дятла охнула, свалилась с крыльца и притворилась мёртвой, как это однажды исхитрилась сделать её бабка, чтобы на возу наловить рыбки.

Ежишка кинулся в дом и как раз тогда, когда Лисёнок толкнул его сестрёнку, впил ему здоровенную затрещину. Лисёнок завизжал, сунулся к Ежишке, искололся, от испуга задохнулся и бросился в подвал.

Ежишка захлопнул крышку подвала, сказал:

— Сестрёнка, не бойся! Я пришёл тебя освободить! Я твой брат!

— Нет у меня брата! — заплакала девчонка с растрёпанными иголочками.

— Вечно у девчонок всё наоборот! — вскочил Ежишка. — Пошли скорее домой, там и разберёмся!

И надо же, как раз в это время пролетали мимо соседки Сорока и Ворона с корзинками. Налаживались они в малинник по малину. А увидели на крыльце Ежишку с сестрёнкой, увидели под забором Патрикеевну, посадили Ежишку и его сестрёнку в корзинки. И дня не прошло, оказались они на своём родном дворе, в окружении родителей.

Тут же над двором, на ветке устроились Дятел и Дрозд. Они твёрдо нацелились никогда не расставаться с Ежишкой.

Сорока посмотрела-посмотрела на нежности ежей и высказалась:

— А не пора ли кашу варить да гостей кормить?

Ворона засопела, обронила:

Кар-ка-ар,

А где же самовар?

НА УМНИКА УМНЫЙ НАЙДЕТСЯ

Ехали два соседа из города домой, в село. У Пантелея меринок телегу волок, а у Еремея кобылка еле ноги передвигала.

Ехали соседи, ехали, до знакомца в попутной деревне доехали. Установили рядышком телеги, натрусили лошадям сена, сами в избу пошли потолковать с хозяином дома Федотом. Узнать, тот Федот или не тот?

А наутро толкает Пантелей Еремея, оглушает его:

— Еремеюшка, вставай! У меня, брат, ночью телега жеребёнка принесла!

Вынесло Еремея во двор, поглядел он на свою кобылку, говорит:

— Как же это можно, чтоб телега жеребёнка принесла, а не оглоблю, к примеру? Это моя кобылка меня одолжила!

А Пантелей ни в какую:

— При чём здесь кобылка? Жеребёнок-то под моей телегой лежит!

Еремей к Федоту:

— Рассуди, хозяин, на твоём дворе приключение!

А Федот был совсем не тот Федот, а наоборот! Как это ему и сразу дело рассудить? Ведь

говорят же, семь раз отмерь, а потом режь! А тут одному угодишь, другой в обиде останется. Выходит, надо бы так, чтобы никак! И ни нашим, и ни вашим! Потому и рассудил:

— Оба вы люди приятные, потому и хочу дело кончить без обиды. Сами спор затеяли, сами и кончайте! Кто угадает ответ на три загадки, тот и прав! А загадки такие: ЧТО БЫСТРЕЙ ВСЕГО НА СВЕТЕ, ЧТО ЖИРНЕЙ ВСЕГО НА СВЕТЕ, ЧТО МЯГЧЕ ВСЕГО НА СВЕТЕ? Езжайте домой, охладитесь, а на третий день, милости прошу!

Пантелей поехал домой весело, кнутиком помахивает, приговаривает:

— Да я эти загадки, как семечки расщёлкаю!

Заявился домой, окликает жену:

— А ну, Лукерья, что быстрее всего на свете?

— Да конь твой, Пантелеюшка! — залебезила Лукерья, — он и самого зайца обскачет!

— А ну, Лукерья, что мягче всего на свете?

— Да перина наша, Пантелеюшка! — залебезила Лукерья, — бока нам вон как она округлила!

— А ну, Лукерья, что жирней всего на свете?

— Да боров мой, Пантелеюшка! — залебезила Лукерья, — одно сало на нём!

— Молодец ты у меня, Лукерья! — похвалил Пантелей. — Мои думы сразу отгадала!

А Еремей, когда Пантелей уж и ответы нашёл, приплёлся домой тише воды, ниже травы. Малая дочка сразу же к нему:

— О чём, батюшка, горюешь?

— Да ты-то чего сможешь? — возразил Еремей.

— Да кто ж его знает? — сказала дочка.

— Вот то-то и оно! — вздохнул Еремей. — А горюю я потому, что Пантелей объявил, его телега жеребёнка принесла, а не наша Карюха. А Федот спора не стал закруглять, загадки нам загадал. Кто угадает, тому и жеребёнка!

— А какие загадки-то? — поллюбопытничала дочка.

— Какие-какие! Тебе-то что? Мала ещё загадки разгадывать!

— А вдруг? — захлопала в ладоши дочка.

— Тебе-то смех, — укорил Еремей, — а как я угадаю, что быстрее всего на свете, что жирней всего на свете, что мягче всего на свете?

Дочка одно и сказала:

— Как поедешь, так и дам тебе ответ!

На третий день приехали Пантелей и Еремей к Федоту.

Пантелей тут же и отрубил:

— Быстрее всего на свете мой конь! Мягче всего на свете наша перина! Жирней всего на свете Лукерьян боров!

Еремей зачмокал, зацокал, полез пятерней в затылок, робко обронил:

— А у меня так — быстрее всего на свете мысль, жирней всего на свете земля, а мягче всего на свете своя рука!

Тут бы Федоту и закончить спор, да откуда у этого дурака Еремея такие умные ответы? И к нему.

— Кто ответы подсказал?

— Да кто? — затаил Еремей, — известно кто, дочка!

— Ну и ну! — укорил Федот. — Твоя малая дочка взялась трёх мужиков учить! Да напридачу ещё и Лукерью! А вот мы её саму поучим!

Неси ей варёное яйцо и вели цыплёнка вывести!

— Вот-вот! — возликовал Пантелей. — Пускай потрудится, а то вздумала у меня жеребёнка отнимать!

Вернулся Еремей домой с варёным яйцом, вместо жеребёнка. Мялся-мялся, обсказал дочке, как дело вышло.

А дочка на отца напустилась:

— И что ты робеешь? Бери вот варёного пшена, иди и проси Федота пшено высеять, просо собрать, а то — чем цыплёнка кормить буду? Пропадёт, пока до Федота его донесёшь!

Еремей сразу же и к Федоту. А тому азартно стало, когда так его на крючок зацепили! Где уж из варёного пшена просо вырастить? Отговорился:

— Конечно, буду я силы тратить — из варёного пшена просо растить! Лучше пусть твоя дочка явится к нам ни пешком, ни на лошади, ни раздетая, ни одетая, ни с гостинцем, ни без подарочка! Вместе мы с ней и поразмышляем о жеребёнке!

Ничего не сказала дочка Еремею в ответ на задачу Федота, а велела отцу сразу же и отправляться к Федоту, а наутро и сама она там будет!

Поутру смотрит Федот, подъезжает к воротам на козе в рыбацкой сетке такая красавица, ни пером описать, ни в сказке сказать. Протягивает руку, говорит:

— Вот тебе, Федот, и подарочек!

Федот руку протянул, а воробей из руки гостыи — порх! Только и успел Федот крылышко задеть!

— Виноват, — опустил голову Федот, — не знал, с кем спорил!

— Да ты не спорил, от спора уходил! — усмехнулась гостя, — Да вот что! Чем нам понапрасну словами бросаться, давай на твоём дворе сеть забросим, рыбки наловим, я ушицу сварю к обеду!

— Да ты что, рехнулась? — испугался Федот. — Какая рыба у меня во дворе?

— А как же у тебя во дворе телега жеребёнка родила?

— Хоть казни, хоть помилуй, — опустил голову Федот, — хотел мира между соседями.

— А вместо мира — драка! — сурово сказала дочка.

Пантелей видит, трое против него одного, да ещё и коза выставляет рога, бочком-бочком да и вон со двора. Не то что жеребёнка, а и телегу свою оставил.

Была забота Еремею отвозить телегу Пантелею. Да одному, потому как у дочки нашлись какие-то дела на дворе Федота.

Вот тебе и Федот, тот не тот!

СОДЕРЖАНИЕ

Чудесный ящик . . .	5
Петушок и бобок . . .	8
Репейник-затейник . . .	11
Батрак и свобода . . .	12
А зачем?	14
Подарок	15
Братья	16
Аннушкины заботы . . .	18
Иванушка и его птица счастья	23
Рога	29
Пирожок со слезинкой . . .	33
Умная Наталья	34
Неосторожное слово . . .	37
Старший и младший . . .	39
Удивительное слово . . .	42
Мать и сыновья	43
Дороже всего на свете . .	48
Бесстрашный	51
Сердце матери	55
Картины	57
Руки-рученьки	58
Неприметный человек . .	59
Умному все дороги открыты	59
Умей слушать	62
А в наше-то время! . . .	65
Цена вещи	68
Не может быть!	68
Мастерище	69
Три соседки и Агафюшка	71
Былинка, Ветерок и Ветрище	73
Баклан и Сом	74
Петушок	74
Лисы как не бывало! . . .	75
Белка и соловей	75
Горшок мух	76
Коршун и петух	76
Заяц и дорожка	78

Гаврюха и морковь . . .	78
Комар и телёнок . . .	79
Не всякий слон умён . .	79
Егорка	80
Дорогой мой	81
Во все кружки	82
А ты чего вопишь? . .	82
Загорелась крыша . . .	83
Старик и Волк	83
За лапотов — курочку .	85
Три девицы	87
Наука — дело трудное .	94
Синичка-невеличка . . .	98
Земляника	99
Гусеница	99
Дождик	100
Умный комар	100
Ежишка ищет сестрёнку	101
На умника умный най- дется	120

ИБ № 2102

Беспалов Валентин Иванович

НЕ МОЖЕТ БЫТЬ!

Сказки для детей младшего школьного возраста

Редактор М. В. Данкова

Художник Ю. А. Федин

Художественный редактор Е. В. Альбокринов

Технический редактор З. К. Яшина

Корректоры Э. И. Щербакова, Е. И. Цикель

Сдано в набор 16.01.89. Подписано в печать 29.05.89. Формат $84 \times 108^{1/32}$. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура школьная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,72. Уч.-изд. л. 4,42. Тираж 45 000 экз. Заказ № 444. Цена 20 к.

Куйбышевское книжное издательство,
г. Куйбышев, ул. Спортивная, 5/27.

Ордена Трудового Красного Знамени типография
издательства Куйбышевского обкома КПСС,
г. Куйбышев, пр. Карла Маркса, 201.

20 к.

Куйбышевское книжное
издательство
1989